

Таня Пыжикова
с дочерью Машей.
Маша стала певицей
и не раз в праздники
радовала меня своим
прекрасным голосом,
участвуя во всех наших
презентациях, выставках
и концертах.

Повесть вышла в издательстве «Молодая гвардия». Татьяна нашла удивительно точное и ёмкое название: «Напряжение». У меня было много друзей по всему свету, часто очень задушевных, но только Танища — так я называла её в шутку — всегда была на том месте, где находится невидимый ангел, и ей можно было плакаться обо всём и искать утешения.

Из моего любимого города Ленинграда пришло письмо от преподавателя-словесника Музы Воскресенской, и вскоре в газете «Правда» появилась её статья «Умейте каждый миг любить» с моими рисунками, а следом и сама Муза приехала в Боровск, чтобы увезти мою выставку в Ленинград. От неё я узнавала все подробности о том, как устраивалась выставка у них в техникуме, как учащиеся дежурили в часы открытия зала и добровольно «экскурсоводили», и как сплотились все они в этом старании. С Музой мы навсегда оста-

Из моего любимого города
Ленинграда пришло
письмо от преподавателя-
словесника
Музы Воскресенской.

Муза Воскресенская
у меня в гостях.

лись друзьями, и десять лет нашей переписки обо всех моих делах, переживаниях, раздумьях она потом собрала в книгу моих писем и своих комментариев под названием «Здравствуй, вот и я!»

Из далёкого Запорожья пришло письмо от Оксаны Гасуль вместе с посылкой — сладостями собственного приготовления, которые она потом не раз присылала опять и опять. Она называла себя довольно странно: не Оксана, а Осанна, видимо, вкладывая в это слово намёк на какие-то свои природные особенности. Я относилась к ней несколько снисходительно, принимая её самомнение и подозревая некоторую болезненность её психики, и потому терпела её исповедальные рассказы, которые она мне настойчиво присылала в течение нескольких лет, вероятно, в надежде, что я проникнусь её судьбой, но которые я так и не удосужилась прочитать. Её жажда моих рисунков, желание устраивать мою выставку, «трубить» по всему миру о моих картинах были столь велики, что я согласилась отдать выставку в её руки с полным доверием. На меня обрушилась, кажется, вся пресса Запорожья, в которую она писала о моих картинах и обо мне, страстно обожая всё, что связано со мной. Конечно, она ждала, чтобы я так же одержимо полюбила её, и потому хотела стать мне нужной. Однако со временем я отходила от неё всё дальше, и связь наша прервалась. Однажды, роаясь в своих архивах, я обнаружила кипу печатных листов с её исповедью и решила, что надо вернуть её автору. В ответ я получила короткое письмо, в котором Гасулька (так я шутливо её называла) сообщала, что её муж-экстрасенс умер, а у неё неоперабельная опухоль мозга. Я послала сочувственное письмо, и на этом наша тонкая ниточка связи оборвалась.

Я сожалею о своём холодном отношении к

этой женщине, горевшей ко мне страстью и жадной ответного чувства. Но как случается часто, уже ничего нельзя исправить. И наши поздние сокрушения почти никогда ничему не научают, потому что мы снова и снова в подобных ситуациях идём всё по тому же кругу, не имея сил сойти с него, и центр этого круга — наше ЭГО.

Из уральского города Миасса прилетел секретарь комсомольской организации, командированный за моими картинами, чтобы устроить выставку в этом городе. Возвращая работы, он привёз мне удивительный рукотворный подарок от своего предприятия: скульптура Хозяйки медной горы из уральских самоцветов, под её ногами рассыпались разноцветные камешки, а рукой она прикасалась к высокому камню, который напоминал надгробную плиту — так это увидел мой отец, который через несколько месяцев умер. Но это было только преддверие будущего. Мы ещё с отцом были вместе, и он радовался каждому моему успеху, моей известности. Лучи моей славы освещали его жизнь и были её смыслом.

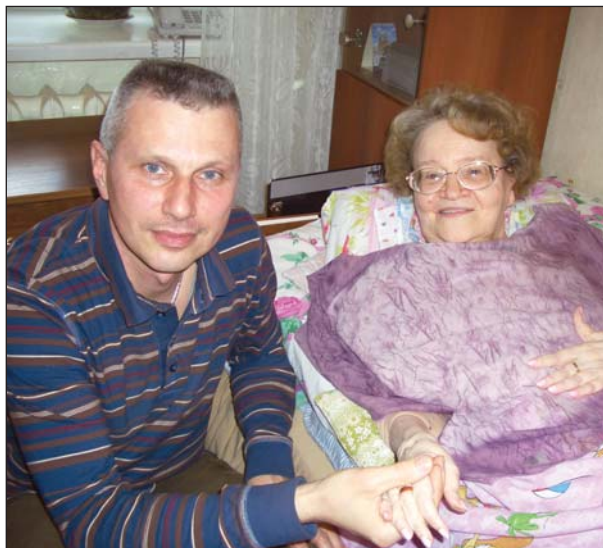
Из разных городов приходили письма-отзывы от желающих побольше узнать обо мне и рассказать другим, показать мои рисунки в школах, клубах, в корчагинских отрядах, в музеях им. Островского... Моя жизнь обретала героический характер и всё чаще определялась словами «мужественная», «сильная», «волевая», «несгибаемая»...

Через годы мне увиделась географическая карта. Путь моим рисункам всегда был открыт от Москвы только на север, юг и восток и никогда — на запад.

Наступило время, когда на нашу землю именно с запада хлынул поток, круто изменивший и политическую, и экономическую, и нравственную, и духовную жизнь, и сознание

Где-то недавно читала, что рядом с божественным нет печали, рядом с божественным только радость, вот я и боюсь своей печали, которая всё чаще стала одолевать моё сердце.

Игорь Коптев создал
в Санкт-Петербурге
скульптуру по мотивам
моего рисунка
“Пусть светит!”

Пусть светит!

людей. И только маленькими островками в этом потоке живёт та бессребренность, то неоплачиваемое деньгами напряжение, с которым люди, полюбившие то, что было в моих рисунках, продолжали устраивать выставки в разных городах.

Через мой дом проходило так много людей, что я не могла всех запомнить, как и не запомнила тогда Игоря Коптева. Ему в то время было 20 с небольшим, и он так полюбил мои рисунки, что не удовлетворяясь альбомом, срисовывал их, положив рисунок и лист бумаги на оконное стекло. Кто бы мог подумать, что спустя 20 лет, он обратится ко мне с просьбой дать согласие на воплощение моего рисунка «Пусть светит!» в бронзе в виде фонтана. И где — в Ленинграде, в моем любимом городе! Словно я таким образом через многие годы возвращаюсь туда, где я началась.

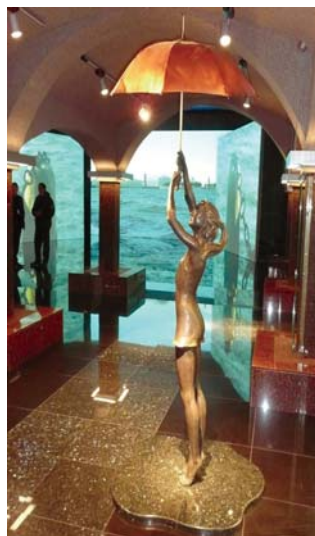
Рисунок «Пусть светит!» как нельзя лучше подходит для решения в виде фонтана: девочка-подросток, вытянувшись в струнку

на цыпочках, в высоко поднятой руке держит зонтик, по которому бьют режущие струи дождя, но она накрывает не себя, а звёздочку, чтоб не погасла, чтоб светила нам в жизни. И смысл этого рисунка в том, что возможно самое невозможное — даже защитить звезду чистым сердцем ребёнка.

Игорь достиг своей мечты. Правда, фонтан не получился, но получилась скульптура, которая теперь находится в питерском Музее воды. Экскурсоводы рассказывают: посетители музея верят, что если кто-то приложит свою руку к руке девочки, то сбудется его желание. А когда маленькие дети не достают до руки, то притрагиваются к её ножке или юбочке. И уже на скульптуре образовались потёртые места от многочисленных желаний-прикосновений взрослых и детей. А фамилию художницы никто не знает и что она из Боровска — тоже. Говорят, только, что скульптор питерский.

Однажды после закрытия очередной выставки мои картины переехали в подвальное помещение, где располагалась мастерская московского фотографа Олега Кожухова. Это было время таких «подвалов», где неофициально могли встретиться самые разные люди, не находившие своей ниши в том устройении общества, в котором приходилось жить. В основном это были творческие люди, имевшие своё мнение, не совпадавшее с официальным. Все они хотели быть полезными, нужными своей стране, своему народу, но не хотели быть «отрядом», идущим вперёд, как на той «отредактированной» картине художника Евстигнеева «Ополченцы». Те люди тоже были своего рода ополченцами, добровольцами, но хотели быть свободными в своём творческом проявлении.

Тогда в этом подвале и появилась Татьяна Бабушкина. Когда Олег показал ей мои кар-

Как-то одного человека
спросили, что значит
«добрый человек»?
И он ответил:
«Добрый — это
к которому сбегаются дети,
кошки и собаки».
Вот такой мне увиделась
Татьяна Бабушкина,
к которой тянулись дети, и
малые, и большие,
и умные, и слабоумные, и
талантливые, и бездарные,
и «отличники», и хулиганы.

ТиВи говорила, что в жизни
ребенка очень много своего
горя, своих бед, только
взрослые к ним относятся
свысока, и когда ребенок
не может сам разрешить
проблему, а взрослые
в стороне решают свои,
то у ребенка потихоньку
начинается шизофрения.

тины, она приехала ко мне и осталась в моей
жизни на 30 лет. Жила она в Ростове-на-
Дону, преподавала в педагогическом универ-
ситете, где однажды ей стало трудно дышать,
согласовывать свои устремления с заданной
учебной программой. Она совершила крутой
поворот в своей судьбе, став свободным пе-
дагогом, воспитателем, философом, в чём мог
раскрыться её творческий потенциал. На са-
мом нижнем этаже какого-то Дома культуры
ей выделили такой же подвал.

Как-то одного человека спросили, что зна-
чит «добрый человек»? И он ответил: «Добрый
— это к которому сбегаются дети, кошки и со-
баки». Вот такой мне увиделась Татьяна, к ко-
торой тянулись дети, и малые, и большие, и
умные, и слабоумные, и талантливые, и без-
дарные, и «отличники», и хулиганы. Так полу-
чился клуб под названием «ЭТО» — Эстети-
ка, Творчество, Общение. А дети прозвали её
ТиВи — по первым заглавным буквам её име-
ни и отчества — Татьяна Викторовна, и было в
этом что-то от чирикания птицы.

Она учила детей умению вглядываться друг
в друга, смотреть друг другу в глаза и помнить,

какого они цвета, разговаривать друг с другом, придумывать друг другу подарки собственного изобретения, сочинять стихи, рисовать, петь, устраивать театральные представления. И какой же ребёнок, будь он маленький или большой, не хочет, чтобы ему сказали: «Как у тебя здорово получается!»

Человек — личность созидательная и разрушительная, и от того, кто рядом с ним, кто за руку ведёт по дороге, открывая ему самого себя, зависит, Созидателем станет он или Разрушителем. Детям, которые пошли за Татьяной, открылся мир красоты и в природе, и в каждом мгновении жизни. Она руководствовалась стихами Мольера, бывшими и моим кредо: «Умейте каждый миг любить — вот средство век счастливым быть». Это и породило нас с нею навсегда.

Встречи с хорошими людьми обогащают нас не только присутствием другого в жизни, но и открывают нас самим себе. Когда мы познакомились с Татьяной Пыжиковой, в своих письмах к ней посреди рассказов о себе я хитро вставляла кусочки текста, которые она заметила как самостоятельные произведения и предложила опубликовать в газете эти маленькие попытки литературных опытов, на что я и рассчитывала. Мои опыты сначала в форме новелл, потом эссе о художниках — Грундиг, Чюрленис, Борисов-Мусатов, Красаускас, Надя Рушева — потом в форме статей на тему нравственности, эстетики стали всё чаще появляться в областной молодёжной и в других газетах. Так у меня нашлось ещё одно дело, затянувшее меня на 20 лет. И в какой-то мере сбылось моё желание быть журналистом — искать наиболее точное словесное выражение своим мыслям, раздумывать о ситуациях, о характерах людей и во всём искать психологическую подоплёку.

Меня безоговорочно приняли Калужским отделением в Союз журналистов СССР. Мне

Мои опыты сначала в форме новелл, потом эссе о художниках — Грундиг, Чюрленис, Борисов-Мусатов, Красаускас, Надя Рушева — потом в форме статей на тему нравственности, эстетики стали всё чаще появляться в областной молодёжной и в других газетах. Так у меня нашлось ещё одно дело, затянувшее меня на 20 лет. И в какой-то мере сбылось моё желание быть журналистом.

Ты растешь, и я расту

Мы попадаем в разные условия жизни, но верно всегда одно: либо ты творишь добро, либо зло.

Если бы каждый помнил об этом, когда мы спорим, ссоримся, обижаемся, раздражаем друг друга, равнодушны к упавшему, осуждаем падшего...

И если бы мы помнили, что только руку протяни, в глаза посмотри, вспомни себя — и ты увидишь в себе человека и в другом тоже.

И, может быть, внутри нас пробудится знание нашего человеческого предназначения, с которым нас задумал Бог.

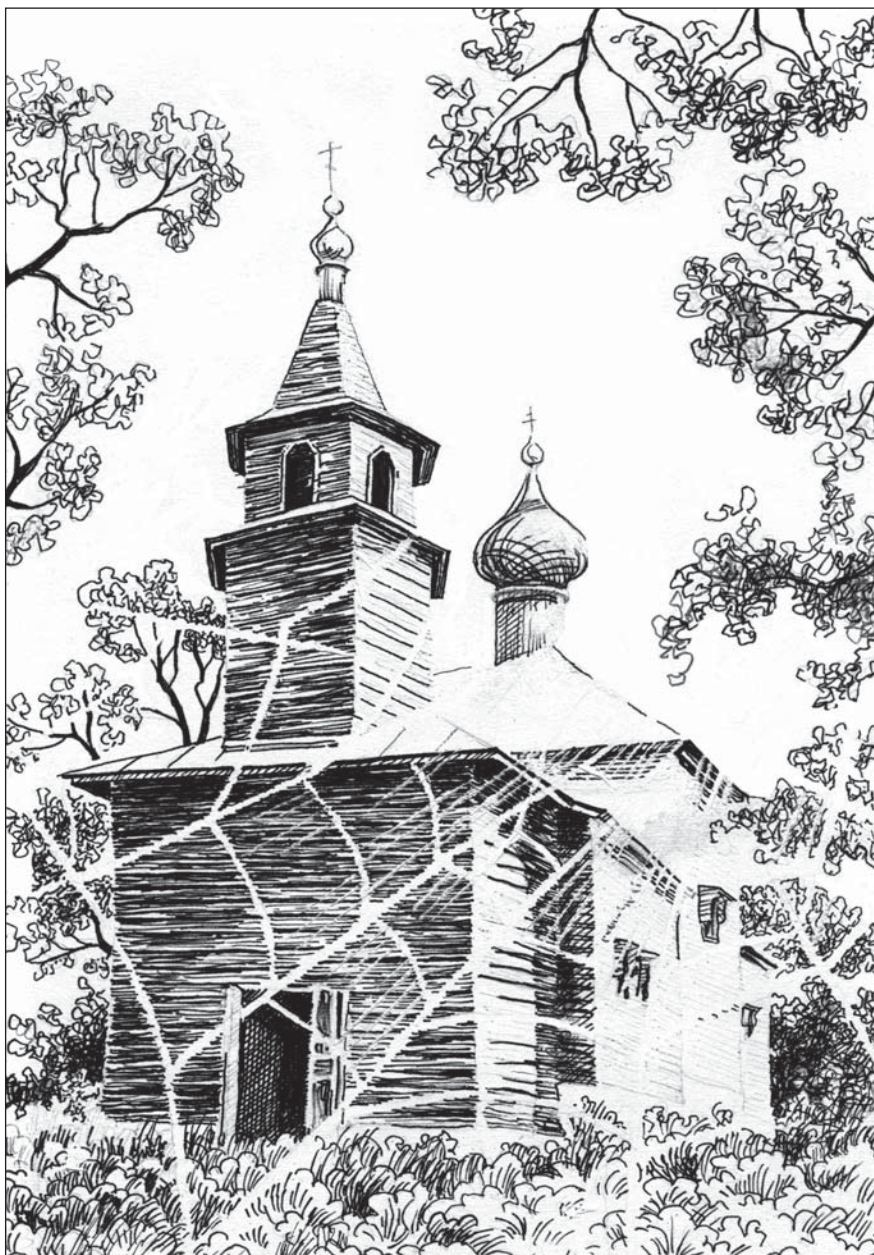
хотелось, чтоб моё слово, мнение, рассуждение, мироощущение в каждом даже маленьком событии, происходящем в жизни людей, открывало его скрытый смысл и понимание, что всякая «мелочь жизни» выстраивает судьбу. Сама я ещё не знала, что мы выстраиваем судьбу не только на земле, но и на Небесах.

С годами вспоминаются фрагменты судьбы, которые кажутся ничего не значащими, а по сути являются философией жизни. Помнится, как моя подруга актриса Нина Добрикова, стоя у окна, выходящего на дорогу, задумчиво говорит: «Вон человек идёт по дороге, на-

верное, на работу. Он думает, что на работу, а на самом деле целый день он будет в разных ситуациях между злом и добром и будет поступать так или иначе — это и есть главная наша работа на земле».

Где-то я читала: биография человека начинается не с факта рождения, а с поступка. И я бы добавила: дело и поступок — это не одно и то же. Но, к сожалению, эту мудрость постигаешь только с годами. Когда уже биография сложилась.

Мы попадаем в разные условия жизни, но верно всегда одно: либо ты творишь добро, либо зло. Если бы каждый помнил об этом, когда мы спорим, ссоримся, обижаемся, раздражаем друг друга, равнодушны к упавшему, осуждаем падшего... И если бы мы помнили, что только руку протяни, в глаза посмотри, вспомни себя — и ты увидишь в себе человека и в другом тоже. И, может быть, внутри нас пробудится знание нашего человеческого предназначения, с которым нас задумал Бог.

КОГДА НЕВОЗМОЖНОЕ — ВОЗМОЖНО

*Если в народе
сохраняется
идеал красоты
и потребность её,
значит, есть
и потребность
здоровья, нормы,
а следственно,
тем самым
гарантировано
и высшее развитие
этого народа.*
Фёдор Достоевский

Это было время особо активное в моей жизни, словно после долгого затишья, накопившиеся силы искали приложения. Как-то при встрече с боровским энтузиастом Александром Бойко возникла тема его долгих раздумий и сетований: он жаловался, что в Боровске нет такого музея или галереи, куда можно было бы собрать рукоделие очень многих народных умельцев, о которых никто не знает. А вот если бы... и далее следовали его мечтания о «воздушных замках».

Сашу я узнала недавно. Он и сам мастер русской глиняной игрушки. Он встречался со многими мастерами Боровска и взахлеб рассказывал мне об их талантах. Я уверовала в Сашу и что мы с ним свернём горы в достижении нашей цели. Это потом я поняла, что Саша — хороший катализатор всякого дела, и, вдохновив кого-то, он самоустраниется, потому что в нём пульсируют уже какие-то новые замыслы. А я, привыкшая строить реальные планы для воплощения идеи, принялась за работу.

В моём характере
есть черта:
когда кто-то не верит
в доброе начинание
и препятствует ему
своим неверием,
мне хочется доказать,
что невозможное возможно,
если очень захотеть.

В те времена без «благословения» какого-то официального органа, которое в свою очередь сверяется с мнением органа компартии, невозможно было начать никакое дело.

Я обратилась к заведующему отделом пропаганды райкома КПСС Павлову с просьбой подыскать помещение для музея и помочь с материалами для ремонта. Зав был веселым человеком и, смеясь, с восторженной интонацией воскликнул: «Да какой музей! Да как его без рубля и гвоздя можно сделать! И никто не даст ни кирпич, ни лампочку...» Если бы я могла ходить, я хлопнула бы дверью, а он всё продолжал бы свою гулкую речь о том, что ничего невозможно.

В моём характере есть черта: когда кто-то не верит в доброе начинание и препятствует ему своим неверием, мне хочется доказать, что невозможное возможно, если очень захотеть.

День мой теперь начинался с телефонных звонков директорам боровских предприятий, которых я пыталась своей заразной речью вдохновить, как нужен в Боровске народный музей, чтобы все видели, какие творческие люди наши жители, чтобы наши дети учились у них творить... Моя речь была из разряда советских речей, звучавших по радио и на площадях, а люди, слушавшие меня, тоже привыкли к таким речам, и так мы понимали друг друга.

Директор реставрационной мастерской Анна Леонидовна Денисова вот уже лет десять реставрировала Пафнутьев-Боровский монастырь, который находится на окраине Боровска в селе Роща. Судьба этого монастыря как судьба человеческая того времени. В годы революции монастырь закрыли и устроили в нем сельскохозяйственный техникум. Во внутренних помещениях стояли трактора с огромными задними колесами с шипами, на которых студентов-механизаторов обучали во-

Свято-Пафнутьев
Боровский монастырь.

ждению. И от постоянной вибрации ревуших моторов однажды рухнул барабан купола. Поскольку для власти безбожников это огромное прекрасное сооружение не имело никакой ценности, на высоком правительственном уровне был поднят вопрос о том, чтобы монастырь снести.

Да видно вопреки воинствующему атеизму были посланы силы другого воинства — Небесного. На земле эти силы возглавил Алексей Алексеевич Антипов, краевед, посвятивший всю свою жизнь бережному собиранию исторических свидетельств в виде предметов быта и всего культурного наследия, которое сейчас разорено и не является ценностью для людей, страдающих манией материального обогащения. А монастырь устоял. Еще долгие годы в нём был заочный техникум электрификации и механизации сельского хозяйства, но трактора из его помещений были выведены. И во-

Саша Бойко, мастер русской
глиняной игрушки. Он встречался со
многими мастерами Боровска
и захлеб рассказывал мне
об их талантах.

шел монастырь в разряд культурных и исторических ценностей и памятников старины.

Пройдёт еще несколько лет, и монастырь обретёт своё истинное предназначение, став обителью для монашества, людей молящих Бога о прощении всех нас, живущих на земле.

А тогда в палатах монастыря продолжались занятия студентов-заочников, в помещении трапезной был устроен спортзал, где в стену с росписью иконы Богородицы был вбит крюк с баскетбольной корзинкой, но тем не менее велись работы по реставрации.

Я ничего не знала о Святом Пафнутии, когда построен этот монастырь, переживший все исторические напасти вражьих посягательств: татарских орд, войск Лжедмитрия, французских врагов, немецких оккупантов и нападения внутренних, отечественных разрушителей. Меня тогда интересовали палаты, которые Анна Леонидовна предложила в качестве помещения под музей. Палаты были захламлены, их надо было расчистить, потом ремонтировать, побелить стены, покрасить окна, отшлифовать кирпичные полы, заштукатурить потолок...

Вот тут произошло неожиданное событие: когда стали отбивать старую штукатурку, на потолке обнаружился рисунок отнюдь не религиозного содержания. Пришлось весь потолок освободить от наслоений, и в монастырь поехали специалисты, которые пришли к выводу, что в старину это было учебное помещение для монахов и на потолке было изображение небесной карты по системе Птолемея, который полагал, что земля находится в центре Вселенной, а вокруг неё двигаются Солнце, Луна и другие планеты, которые тогда были известны. От небесных тел к Земле тянулись цепи, которые, видимо, подтверждали, что во Вселенной все мы звенья одной цепи, все притянуты друг к другу. Решили эту карту

оставить неприкосновенной, как экспонат — свидетельство человеческого пути познания.

А у нас продолжалась работа: светильники, стеклянные витрины, стеллажи — всё это было второй стадией.

Когда я говорю «мы», то трудно назвать поимённо всех, кто участвовал в этом добровольном созидании музея. Оглядываясь назад, мы часто вспоминаем то время: то с иронией, то с осуждением, то с возмущением, то со слезами сожаления об утраченном, то с проклятием. И я думаю: а возможно ли сейчас, в нашем времени, в сегодняшнем обществе подвигнуть людей на такое дело, чтоб никто не считался с затратами времени, сил, здоровья, денег?

Не всегда мы могли сами справиться со своими проблемами. Мне повезло в ту пору познакомиться с Валерием Артёмовым, который был вторым секретарем райкома партии и любил в свободную минуту вечером побеседовать со мной о поэзии, о художниках, пофилософствовать о том о сём. Уровень его размышлений был плоскостным, горизонтальным, но человеком он был отзывчивым к моим нуждам, и я благодарна ему за его участливое отношение. Он честно признавался: «Меня не

Палаты были захламлены, их надо было расчистить, потом ремонтировать, побелить стены, покрасить окна, отшлифовать кирпичные полы, заштукатурить потолок... Но мы справились...

Открытие музея народного творчества в Боровском Пафнутьевском монастыре.

Каждый раз, когда я
проезжала на машине мимо
разрушающегося храма Бориса
и Глеба, моё сердце сжималось
при виде разрушенного
купола, «скелетов» главков,
с которых облетела кровля.
Эта обезглавленность пугала,
как если бы я увидела
обезглавленного человека.
Мне казалось, что эта
кирпичная постройка
чувствует боль.

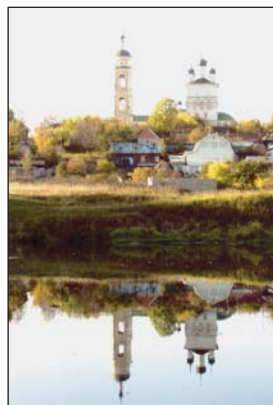
Осенняя акварель

интересует ваш музей, я просто тебя уважаю».

Открывать музей, перерезая красную ленточку, приехали третий секретарь райкома партии Прошин и заведомо пропаганды Павлов, который не верил в наш успех.

Музей мог существовать только благодаря добровольцам, открывающим его двери для посетителей, — сейчас никто не употребляет такое словосочетание «на добровольных началах», а тогда это выражение было расхожим. При музее образовался клуб, который мы назвали «Жар-птица», его возглавила Стелла Гарбузова, и её усилиями проводились экскурсии. В клуб приглашались самые интересные люди, в основном, приезжие гости: режиссёры, актёры, родственники Циолковского, певцы.... Клуб осуществлял выездные встречи по колхозам района — так мы пытались поддерживать культурную жизнь в на-

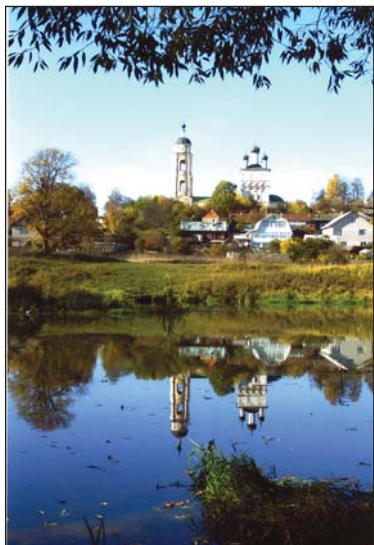

шей местности, где нет театров, концертных залов, музеев и прочих культурных центров.

А Саша Бойко опять тормозил меня своим возмущением по поводу решения, которое он увидел в генеральном плане Боровска: определить под снос храм Бориса и Глеба. Храм этот, как я узнала позже, начала XVII века, как и многие храмы того времени, использовался как склад. Верхняя часть здания разрушалась от времени, дождей, гроз, ветра и человеческого презрения.

Каждый раз, когда я проезжала на машине мимо него, моё сердце сжималось при виде разрушенного купола, «скелетов» главков, с которых облетела кровля. Эта обезглавленность пугала, как если бы я увидела обезглавленного человека. Мне казалось, что эта кирпичная постройка чувствует боль. Я органически не могу выносить, когда рушат дома, пилят деревья либо валят электрические опоры — я чувствую боль всего изуродованного, разрушенного, лишённого гармонии и своего назначения. Как чувствую боль за всю нашу Землю, которой войны, революции, всяческие реформы и безумные разрушительные идеи не дают осуществить то, что ей предназначено.

Храм Бориса и Глеба после реставрации стал настоящим украшением Боровска.

Зимушка-зима

Осенний луч

Спорить с местным руководством о сохранности храма было бесполезно, поскольку храмы рушились по всей стране. Но в жизни всегда случается так, что если суждено чему-то свершиться, то для этого создаются обстоятельства свыше. Вот по такому стечению обстоятельств в пору работы над учебником меня познакомили с сотрудниками школьного отдела газеты «Правда». Эта газета была органом ЦК КПСС, и всё, о чём писала «Правда», было законодательно и подлежало исполнению. Мои друзья посоветовали мне написать статью о храме Бориса и Глеба и о других разрушающихся храмах нашего исторического города, избегая слов, «церковь», «храм», а «неудобные» слова заменить на «памятники старины», «культурное наследие», «памятники архитектуры»... Статья называлась «Я рисую Боровск». Она быстро появилась на стра-

На семи ветрах

ницах газеты, эхом отозвалась в Калужском обкоме партии, и из областного управления культуры в боровскую реставрационную мастерскую через короткое время пришли деньги на реставрацию церкви Бориса и Глеба.

Газету со статьёй мне принесли в больницу, где я лежала в очень тяжёлом состоянии под капельницей, и прогноз был неопределённым. Сама я шутила над собой, что получила «ранение в живот». Это «ранение» было результатом острых переживаний последних лет. Но начались мои новые испытания немного раньше.

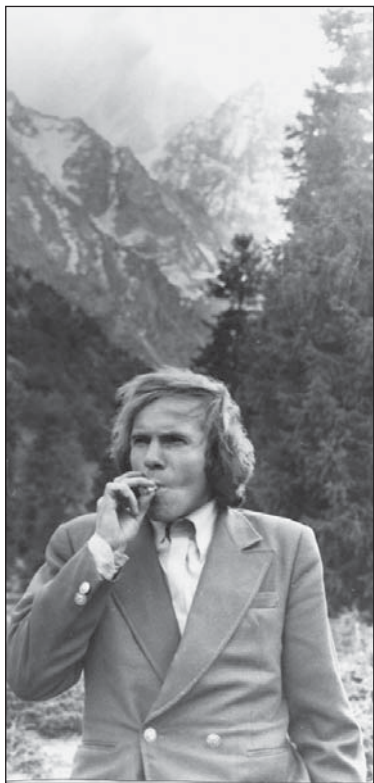

несбывшееся зовёт нас

*И если гром у нас —
на крышах,
Дождь — в доме,
ливень — сплошь —
Так это ты письмо
мне пишешь,
Которого не шлѐшь.
Марина Цветаева*

Удивительная это тайна — как совсем незнакомые, чужие люди, соединившись только словом, могут почувствовать своё душевное родство. Так произошло, когда я получила первое письмо от журналиста магаданской газеты Станислава Рыжова, в котором он сообщал о своём впечатлении от моих рисунков и желании опубликовать их в своём издании. Письмо было обыкновенное, каких приходило немало, но почему-то сердце моё отличило его от других, и неожиданно подумалось: «С этим человеком у меня что-то будет».

Каждый раз, когда одна влюблённость сменяет другую, я думаю: что же это такое — любовь? Почему из сотен разных сердец выбирает единственного и тоскует в ожидании, в желании быть с ним одним? Из Магадана шли короткие письма, в которых Слава почти ничего не рассказывал о себе. Я узнавала о нём из его газетных статей, которые он присылал каждый раз. Статьи были о том, о чём много размышляла и я: о нравственных проблемах, о воспитании, об искусстве, о жизненной позиции, о скрытых возможностях человека. Я

Слава Рыжов,
Боровск-Магадан —
новый меридиан,
соединивший наши души.

не видела нашумевших тогда фильмов «Сталкер», «Обломов», «Лермонтов», о них спорили, ими восторгались, их ругали. О них и о многом другом я узнавала из Славиних статей. В них был он сам — его взгляды, его вкусы, его мнения, его философия, его литературный дар, его глубокое тонкое осмысление жизни. И всё это было так близко мне, и вызывало такой восторг от того, что моя сущность отражается в нём, как в зеркале, и без этого «зеркала» я уже обходиться не могла.

Но разве любовь только в сходстве, в отражении одного в другом, чтобы удивиться, что другой такой же, как я? Давно известно, что подобное притягивает подобное, но может быть, любовь — это не то, что в нас, в нашем отражении, а то нечто, что между нами? «Где двое или трое соберутся во Имя Мое, там Я буду между ними», — сказал Христос. Бог есть любовь. Но любовь, которой любим мы, — без Бога, может, потому она такая изломанная, непостоянная, часто принимающая уродливые формы, связанные с ненавистью, властвованием, собственничеством и насилием друг над другом. Мы жаждем соединиться в любви, но между нами нет того, кто соединяет своей любовью.

Слава присылал мне свои стихи. Его поэтическая стилистика не была мне близка, но это были его стихи, а всё, что было его, — всё было мне дорого. По вечерам он звонил по межгороду из телефонной будки, и мы разговаривали обо всём на свете по 20—30 минут. И говорили бы ещё и ещё, если бы не кончались у него монеты. Порой расстаться было совсем невозможно, и тогда он кричал: «Подожди, не клади трубку, сейчас деньги разменяю...» И опять — пять, десять, 20 минут... Я уже не помню, о чём мы говорили, над чем смеялись, мы просто слушали голоса друг друга, интонации, дыхание. Мы могли бы

и молчать и все равно чувствовали бы себя вместе. У меня был вечер, а у него уже глубокая ночь следующих суток, но времени не существовало.

Каждое лето в отпуск он прилетал в Москву, и первая встреча была неизбежна. Я жаждала этой встречи и боялась её одновременно, и даже обрадовалась, когда он сказал, что едет в Ленинград — хотел побывать в городе, где учился на факультете журналистики, откуда и залетел на всю жизнь в Магадан по направлению института.

В один из дней, стоя на тротуаре Невского проспекта, он проголосовал проезжавшей «легковушке». В машине разговорились с водителем о том о сём, и Слава поделился, что собирается в Боровск к художнице Киселёвой. Водитель, представившийся Валентином, воскликнул: «А-а-а, Киселёва, знаю-знаю, видел её картины. А поехали вместе на машине!» И поехали. И приехали. Издалека Слава представлялся мне внешне мужественным, уверенным, любимцем женщин и вечным холостяком, таким он и выглядел на одной из своих фотографий. Я была смущена, увидев его тихим, с застенчивой улыбкой, мягкой, неуверенной походкой вошедшим в мой дом. Но это не было разочарованием, я понимала, что он тоже смущён нашей встречей, наверное, и ему издалека виделся иной образ. Он тоже воображал меня внешне другой по тем многочисленным фотографиям, которыми я щедро окружила Славу в пространстве его бытия. Однажды он вернул мне часть этих фотографий в виде альбома со стихотворными надписями. Мы тогда увлекались гороскопами, какими-то восточными календарями, и по китайскому календарю Слава был Собака. Эту тему он изобразил в виде моей стоящей фигуры с лежащей рядом собакой, в которой, вероятно, подразумевал себя.

Разве любовь только
в сходстве, в отражении одного
в другом, чтобы удивиться,
что другой такой же, как я?
Давно известно, что подобное
притягивает подобное,
но может быть, любовь —
это не то, что в нас, в нашем
отражении, а то нечто,
что между нами?
«Где двое или трое соберутся
во Имя Мое, там Я буду между
ними», — сказал Христос.
Бог есть любовь. Но любовь,
которой любим мы, —
без Бога, может, потому
она такая изломанная,
непостоянная,
часто принимающая
уродливые формы,
связанные с ненавистью,
властованием,
собственничеством
и насилием друг над другом.
Мы жаждем соединиться
в любви, но между нами
нет того, кто соединяет
своей любовью.

Я не помню, о чём мы разговаривали, была, как в анабиозе. Всех развлекал словоохотливый Валентин забавными историями из своей жизни. Встреча была короткой, и гости в тот же день уехали.

Общаться по телефону для меня гораздо удобнее — так я невидима и не стесняюсь себя. И когда Слава уехал, моё сердце потянулось следом за ним, но я почувствовала облегчение с его отъездом. От меня Слава и Валентин отправились в Загорск (ныне Сергиев Посад), где в это лето Таня Бабушкина со своей группой детей находилась в школе-интернате слепоглухонемых ребятишек, с которым её клуб «ЭТО» дружил много лет, помогая по хозяйству — рыли канавы для прокладки труб, красили забор. Не просто красили, а разрисовывали его разными картинками. Казалось бы, зачем слепоглухонемым детям картины на заборе? Но в духе ТиВиши было создавать праздник везде, где она находилась. Она сама была человеком-праздником.

Удивительно, как сводит порой судьба на земле людей одних интересов, одного мироощущения — так встретились эти трое: ТиВи, Слава и Валентин. У одного из разрушенных храмов стояли ночью, глядя в звёздное небо, и чувствовали такое единство, словно общее объятие, и такая была тишина вокруг, что слов не было, а только это чувство единения со всем мирозданием, — так рассказывала мне потом ТиВи.

Мне вспоминается Александр Блок, который так любил свою жену Любу, что всякое физическое прикосновение к ней лишало его той силы, которая свойственна мужчинам в отношениях с женщинами, — так я читала о нём. Я не понимала тогда, как это может быть, но на своём, маленьком жалком опыте, я почувствовала, что так бывает: телесное и душевное обожание находились на разных по-

Общаться по телефону
для меня гораздо удобнее —
так я невидима
и не стесняюсь себя.

люсах. Мне хотелось обладать душой любимого человека, но мне не обязательно было нужно его прикосновение, я хотела быть Женщиной в его сердце, но в образе королевы, которую возможно обожать, день и ночь мечтать о ней, хотеть обладать ею, и жить с неисполненностью своих желаний.

Но все эти мои «хочу» обернулись против меня самой. В моём мире царствовал Слава, и к нему стремились душа моя и тело. В этом человеке я впервые чувствовала Мужчину, а он вёл себя со мной, как мальчишка. Вспоминается случай, который почти символичен для наших отношений: в день рождения я всегда ждала от него подарок, который был бы подарком мужчины женщине, ну, скажем, банальные французские духи, на худой конец — шоколадные конфеты, или что-то ещё неподдающееся моей фантазии. Я получила подарок, который с улыбкой вспоминаю всю

Таня Бабушкина, я, Слава
Рыжов и Коля Милов —
в наши счастливые встречи.

Полевое кружево

жизнь, и он не поддается ничьей фантазии. Когда-то Слава писал мне, что побывал на острове Врангеля и был восхищен природой севера, что видел прекрасную, хрустальную гору и как интересно участвовать в раскопках очень древних поселений. И, как пацан, который собирал и хранил в карманах своих штанов самое ценное — камешки, ракушки, болты, гвоздики, — Слава прислал мне свои «драгоценности»: наконечник из чёрного камня от копья какого-то древнего эскимоса, кусочек от хрустальной горы и ещё разные камеш-

ки с острова на краю света. Я тогда не могла оценить, какое богатство он мне подарил, я хотела быть женщиной, а не дружкой.

Неисполненность жила в моём сердце. Александр Грин писал: «Несбывшееся зовёт нас». Несбывшееся звало меня осуществиться. В природной жизни цель мужчины и женщины соединиться, чтобы в этом родстве рожать детей — следующих людей, чтобы не прекратилась цепочка человеческого существования, а земное притяжение любви — это повод для соединения и продолжения рода. Я — выпавшее звено из этой цепочки, я не продолжательница рода, я — какой-то другой замысел, но живущий в природном теле с человеческой душой, и душа эта ищет своего осуществления. И что же мне делать с этой жаждой, не имеющей того, чем осуществляться, какой аналог найти, какую параллель, куда направить силы этого желания, — я, беременная любовью, не имею сил родить?!

Я смотрю на цветы, купленные в магазине, и моё сердце содрогается, когда мне рассказывают, что бутон перевязывают, чтобы не дать лепесткам распуститься раньше назначенного срока — раньше праздника. Такой я чувствовала себя в те дни, когда всё мое существо было готово раскрыться и удивиться собственной красоте цветения и вздрогнуть той радостью, какой вздрагивает женщина, чувствующая внутри себя биение ребёнка.

Вот тогда и случились эти письма о любви, которые и письмами не назовёшь, скорее посланиями в никуда, ни к кому, без имени, без адреса, в космос — всю тоску и печаль свою, изо всей силы вопль неутолимой жажды — к небу, чтобы услышать ответный глас через того человека, которого полюбила. Эти письма я посылала Станиславу, адресуясь как бы и не к нему, чтобы ему было легче пропустить их мимо себя. Что он и сделал.

Когда-то Слава Рыжов писал мне, что побывал на острове Врангеля и был восхищён природой севера, что видел прекрасную, хрустальную гору и как интересно участвовать в раскопках древних поселений. Слава прислал мне свои «драгоценности»: наконецник из чёрного камня от копья какого-то древнего эскимоса, кусочек от хрустальной горы и ещё разные камешки с острова на краю света. Я тогда не могла оценить, какое богатство он мне подарил, я хотела быть женщиной, а не дружкой.

Что есть духу с разбегу влетаю
в воду. А море такое большое,
оно сливается с небом, солнечный
свет дробится в брызгах,
и непонятно, где настоящее солнце —
тысячи светил кружатся, сливаются,
расплываются, нет верха и низа,
нет начала и конца. Солнце, море
проникают в каждую пору моего тела,
переплетаются во мне,
я чувствую, что растворяюсь,
сливаюсь с этим огромным
организмом, имя которому — жизнь,
где перепутаны нервы, кровь, прилив,
боль, свет... Я не различаю, бьется ли
это мой пульс или волна. И я не могу
сдерживать свой восторг и кричу на
весь этот сверкающий мир:
«Я люблю тебя, жизнь!
Люблю... люблю...»

Сколько моря, сколько солнца...

Сейчас холодным рассудком я представляю, в какой отчаянной ситуации оказался он, земной человек, которого полюбила инопланетянка. Он не знал, что с этим делать. И воспринял так, как воспринимает большинство земных мужчин: эта женщина хочет за меня замуж. Но как жить с инопланетянкой? На это нужны особые силы, возможности, умение обращаться с нею. Лучше оставить всё как прежде...

Но прежними наши отношения быть уже не могли. Все предыдущие годы я чувствовала

себя в полёте, я была в славе, со всех концов страны шли письма, в которых люди восторгались рисунками, делились своими заботами, своей судьбой, искали советов и утешения в бедах, восхищались моими победами над болезнью, над обстоятельствами. И я чувствовала себя такой большой, такой всемогущей, такой значительной, такой всем нужной, полезной, что крылья мои становились всё сильнее, размах крыл всё шире, подъём всё выше, и небо казалось совсем рядом. И вдруг в этом полёте, как молния, — выстрел. Будто гвоздь прибил меня к стенке ощущением: я — ничто.

Женщину можно любить только тогда, когда она находится в женском телесном облике. У меня нет тела, точнее — моя душа живёт в исковерканном теле. Мою душу можно любить душой, но желать душу как тело невозможно: её не обнимешь, не поцелуешь, не содрогнёшься от восторга проникновения в тайную тайну. Мой полёт в небо был иллюзией, это было стекло моего неизменного окна, в котором виделось небо, о которое я и разбилась с лёту, как разбивается птица — в кровь.

Однажды меня спросили: что такое отчаяние? И я ответила: это то, что находится в слове «никогда». Когда человек болеет и только подозревает свою болезнь, он чувствует себя спокойнее, чем когда ему объявят диагноз: тогда уж точно надо лечиться. И я стала «лечиться». Мне хотелось выйти из тоски своего падения, ощущения своей никчемности, бессмысленности своего существования на этой чудесной земле, на которой я — чужая. Я не видела своего предназначения. Я не знала ещё, в чём предназначение каждого человека на этом свете, будь он мужчина или женщина.

Когда Станислав в очередной раз позвонил мне, я сообщила ему своё решение расстаться. Он был так удивлён, что опешил и никак

Ночная сирень

Гренада

не мог согласиться, горячо уверяя, что для него это невозможно, что он по-своему любит меня, что он привык к нашему общению и это стало его жизнью. Его слова не утешали меня, а только отравляли, как горечь, от которой хочется поскорее избавиться. Он ещё продолжал иногда звонить, но я резко, почти грубо, просила оставить меня, чтобы я забыла его, иначе умру. Я не понимала, что если рвёшь соединяющий нерв, то он будет болеть, как болит нога или рука, которую отрезали: её нет, а она мучает.

Из Волгограда приехала Ольга Феличкина, с которой нас познакомила ТиВи. Эта женщина сочиняла сказки и, несмотря на пожилой возраст, в своих письмах ко мне рисовала цветочки, птичек, почти как рисуют дети. Но привезла она не цветы, а спирт в подарок моему отцу на случай какой-то нужды. Нужда тут же и пришла. Когда однажды моей душой овладело такое лихо, что я ни в чём не могла найти покоя, я попросила маму плес-

нута мне на доньшко рюмки этого спирта с водой. Мне понравилось, что на душе стало немного легче. И каждый раз, когда я собиралась обедать и был повод перед обедом слегка выпить, я утешалась. Моей маме это, конечно, не понравилось, и каждый раз она сопровождала «возлияние» ворчанием. Отец сочувствовал мне, глубже понимая моё состояние, и тоже ворчал, но в сторону мамы: «Ты ведь женщина, как же ты ничего не понимаешь!» Она понимала, но по-своему, приговаривая: «Надо взять себя в руки и заниматься делом». У меня не было «кнопки», чтобы нажав на неё, изменить своё настроение, свою жизнь, свой путь. Это было испытание, смысл которого я поняла гораздо позже.

Перестав звонить, Станислав стал присылать мне бандероли с книгами, которые были в то время дефицитом. Он выбирал книги глубокого интеллектуального содержания. Так он пытался помочь мне отвлечься — заняться делом, как советовала и мама. Как будто

Ольга Цыбенко и Слава Рыков.

Однажды меня спросили: что такое отчаяние? И я ответила: это то, что находится в слове «никогда».

Осенняя песня

мне было дело до высоких материй! А я цеплялась не за дело, а за моих друзей. В Москве жила Оля Цыбенко, которая длительное время работала в Магадане, в газете вместе со Славой. У меня была потребность говорить с кем-то о нём, кто знал его, — так сохранялось ощущение, что он где-то есть. Но моя попытка искусственного разрыва обернулась разрывом реальным. Сама я потом шутила, что получила пулевое ранение за мой «подвиг».

Однажды вечером боль в животе стала нестерпимой и меня почти в полночь увезли в хирургическое отделение больницы, подозревая перитонит. Анализы были плохими, но мне было всё равно. В больницах я не была с 16 лет, я отвыкла от белых халатов, от казённых простыней и казённой пищи. В палате поставили кушетку для моей мамы, чтобы она ухаживала за мной. Срочная капельница с новокаином несколько облегчила моё страдание, и почти всю ночь я не спала, разговари-

вая с медсестрой, следившей за капельницей и моим состоянием. С утра врачи забежали во-круг меня, назначая то одни, то другие лекар-ства, сообщив, что у меня инфильтрат сигмо-видной кишки. Целую неделю продолжалось лечение-мучение. Странно, что вспоминаю я эти дни как дни покоя от многолетней устало-сти. Палата была с огромным окном и высо-ким потолком, но в ней было уютно и много-людно от хлопочущих вокруг меня медсестёр.

В больницу я взяла с собой книгу «Утопия Гурина» Анатолия Кима, очень популярного в то время писателя. Я читала о том, что все мы, люди, — частицы одного целого, что мы вза-имодействуем и если что-то заболит у одно-го, то это отзовется у другого. Что все мы бесконечны, что жизнь не обрывается смер-тью, душа переходит в другое тело. Это было время просвещения ищущих умов об устрое-нии космоса и месте человека в нём с точки зрения восточной философии и религии. Тай-но по рукам ходили издания, которые пришли и в мой дом, но это случилось чуть позже. А пока эта книга вливалась в меня, устраняя ту тяжесть, которая угнетала мою душу.

Во мне не было страха смерти, ведь я чув-ствовала себя частицей мира, которая не мо-жет умереть. Я не задумывалась о том, как это возможно в реальности. Реальность была в моей памяти совсем другая: смерть моего деда, его похороны, плач родственников, тра-урный марш и собственное рыдание, я сама, едущая на траурной машине рядом с гробом деда. Какой частицей мира может стать это грузное тело, которое на моих глазах опуска-ли в яму? Моё сознание искало объяснения в этой «Утопии», я шарила внутри себя в глу-бокой тьме, выискивая тайное понимание нашего видимого бытия, смысл своего суще-ствования и всех, кто приходит в этот мир из неведомого небытия, чтобы вернуться опять в

Во мне не было страха смерти, ведь я чувствовала себя частицей мира, которая не может умереть. Я не задумывалась о том, как это возможно в реальности. Реальность была в моей памяти совсем другая: смерть моего деда, его похороны, плач родственников, траурный марш и собственное рыдание, я сама, едущая на траурной машине рядом с гробом деда. Какой частицей мира может стать это грузное тело, которое на моих глазах опускали в яму?

небытие. Вопросы юности опять возвратились ко мне, но на них опять не было ответа.

По ночам, когда не спалось, я впервые попробовала молиться в очень странной форме: с закрытыми глазами в воображении я «рисовала» в пространстве кисть руки, обращённую вверх, и тут же над нею — вторую кисть, примыкающую к первой. И так, перемещая одну ладонь над другой, словно пробираясь по невидимому канату, я передвигалась «ручным шагом» далеко вверх, в небо. Я «ходила» в небо не один раз, и однажды мне то ли во сне, то ли в стадии просыпания явились люди в белом, которых я приняла за врачей. Они склонялись надо мной, будто я лежала на хирургическом столе, и что-то со мной делали, от чего я испытывала чувство полной незащитности, беспомощности. И мне хотелось плакать от этого ощущения. Через многие годы у апостола Павла я прочитала: «...и препояшут тебя и поведут, куда не захочешь», и это соединилось во мне с тем давним сном

Мне казалось чудом,
что моё слово, сказанное
через газету, может что-то
изменить в судьбе храма,
я не думала тогда,
что за мной стоит сила,
которая движет моей рукой.
Газету принесли мне в палату
два друга,
с которыми я только недавно
познакомилась:
Николай Милов
и Валерий Прокошин.

по ощущению своей полной обезволенности.

Я стала выздоравливать. Но только телом, а сердце моё, несмотря на такое потрясение, осталось по-прежнему в плену страсти, и это было невозможно побороть своими силами.

Вот тогда и пришла радостная вест: газета «Правда» с моей статьёй «Я рисую Боровск». Эта публикация восстанавливала не только храм, но и мою душу. Мне казалось чудом, что моё слово, сказанное через газету, может что-то изменить в судьбе храма, я не думала тогда, что за мной стоит сила, которая движет моей рукой. Газету принесли мне в палату два друга, с которыми я только недавно познакомилась: Николай Милов и Валерий Прокошин.

А познакомил меня с ними Виктор Жигарёв. Судьба его была схожа с моей — он был неподвижен с рождения, учился на дому и когда закончил школьную программу, растерялся. А что теперь? Куда? Об этом он и написал мне своё первое письмо, полное отчаяния.

В таком положении находятся многие инвалиды в нашем отечестве. Забота о них — мизерная пенсия, а мама, посвящая свою жизнь больному ребёнку, не имеет ни зарплаты, ни трудового стажа, ни пенсии. Даже получить образование для инвалида — проблема. Помню, как плакала моя мама, сидя перед заведующим РОНО напротив учительницы по литературе, которая тоже плакала: мама настаивала, чтобы учительница приходила к нам, а та отказывалась — учителям вменялось домашнее обучение как общественная нагрузка, то есть неоплачиваемая работа. Поплавав, обе посочувствовали друг другу. И я продолжала учиться. Впрочем, учёбой это трудно назвать, общественная работа выполнялась через пень-колоду: учителя приходили, когда хотели, иногда в месяц два раза, и знания мои были соответствующими. Но я была ста-

Витя Жигарёв.

С Валерой Прокошиным ко мне
пришло всё то, чего жаждала моя
женская душа: быть рядом
и не быть достижимой.
Быть желанной — и невозможной.
Смотреть друг на друга, восторгаться,
радоваться присутствию и томиться
желанием быть вместе и не иметь
возможности соединения. Наверное,
я полюбила не столько его самого,
сколько невысказанное его чувство
ко мне. Его стихи, посвящённые
мне и не посвящённые, были как
объятия, как молчаливые признания
в реальной жизни, как любовное
томление, чего мы оба ещё не знали.
А образ реального Валеры
был за стихами.

рательной, да и учителя меня жалели, поэтому я считалась отличницей.

Витино письмо поставило меня в тупик: «Ты моя последняя надежда...» Он хотел делать что-то реальное, видимое глазу, например, табуретки, а я делилась своим опытом и разумеи́ем, что мы должны избирать для себя тот труд, который возможен в наших условиях. Это часто бывает, как я поняла из многих писем инвалидов, когда они хотят жить обычной жизнью здоровых людей и не могут психологически согласиться со своей ограниченностью, со своей избранностью. Переписываясь с этой категорией людей, я искала в их жизни те способности, увлечения, которые даны были им.

Витя писал стихи. Они были слабые и по форме, и по содержанию, и по технике, но табуретки он делать не мог физически, и я под-

держивала в нём увлечение поэзией, попытки облечения в слово своих мыслей и чувств. Пройдут годы, и Витина книга стихов «Звёздные запахи» увидит свет. Маленькая, самостоятельная, она появилась уже после его смерти.

Витин дом стал пристанищем для всех, кто увлекался стихосложением, кому в радость была игра с рифмой. Эти двое друзей, Валера и Николай, объединились с Виктором в своём занятии. Знакомство с творчеством друг друга, горячее обсуждение своих стихов, стихов известных поэтов, чтение книг, ставшее их общей жизнью, общей радостью, — всё это у них уже состоялось в то время, когда в их круг вошла я, став центром внимания.

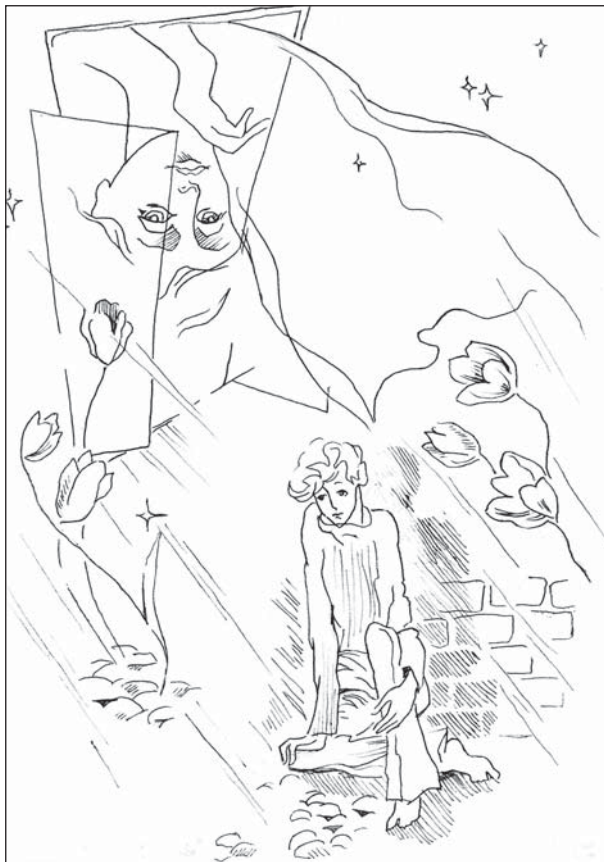
С появлением этих людей в моей жизни случился такой поворот в судьбе, которого не предполагал никто. Я искала средство своего возрождения, возвращения себя, чтобы наполниться тем новым, что готовилось во тьме невидимого мира. Это произошло не сразу.

С Валерой Прокошиным мы долго общались по телефону. Ему было двадцать шесть, он был шутлив, разговорчив, и нам было легко друг с другом. Я немножко играла с ним,

как играет взрослая женщина с юношей. Мне нравилась эта игра, она отвлекала от тяжёлых мыслей, а для Валеры моё внимание было, как снисхождение той королевы, которой я всегда мечтала быть в чьём-то мужском сердце. Но игра стала превращаться в реальность, когда накануне встречи, о которой мы договорились по телефону, я шутя спросила Валеру: «А ты не боишься встречи со мной, вдруг она станет судьбоносной для нас обоих?» Валера на минутку замер, словно правда испугался, а потом отшутился тоном разудалого мужчины. Однако при встрече он смутился смо-

Влюблённый

треть мне в глаза, и это создавало атмосферу чего-то тайного, возникающего меж нами.

С Валерой ко мне пришло всё то, чего жаждала моя женская душа: быть рядом и не быть достижимой. Быть желанной — и невозможной. Смотреть друг на друга, восторгаться, радоваться присутствию и томиться желанием быть вместе и не иметь возможности соединения. Наверное, я полюбила не столько его самого, сколько невысказанное его чувство ко мне. Его стихи, посвящённые мне и не посвящённые, были как объятия, как молчаливые признания в реальной жизни, как любовное томление, чего мы оба еще не знали. А образ реального Валеры был за стихами.

Странное несоответствие было в этом человеке, словно жили в нем две разные сущности: один — поэт, с тонкими изысканными фразами, возвышенными чувствами, неожиданными метафорами и таким философским видением мира в поэтических образах, что, казалось, всего этого не может быть во втором человеке, во внешнем, с его ограниченным лексиконом, его насмешливостью, ехидством, ироничным отношением к людям, с его громким хохотом, дурачеством, клоунадой.

Казалось, в нём боролись два разных человека, но рядом со мной в его душе властвовал Поэт. Валера трогательно по-мальчишески пытался «ухаживать за мной», одаривая цветами и деньрожденными подарками, чтобы узаконить свое положение «возлюбленного». Но за его спиной была реальность в лице женщины, которая ещё не была его официальной женой, но уже носила в себе его ребенка. И вскоре я стала крёстной матерью его любимой дочки Марины.

Я так никогда и не узнала, чем и кем была для Валеры, — он никогда не сказал об этом вслух. Спустя годы я поняла, что была в жизни Валеры скорее Музой, чем женщиной. Его

жизнь сложилась так, что в ней не было той любви, о которой, может быть, мечтала его душа, как это часто бывает с ищущими свой идеал, чтобы испытать восторг, вдохновение, чтобы захлебнуться от неземного чувства, когда одно лишь присутствие рядом любимого вызывает желание упасть перед ним на колени от переполненности внутренним блаженством. И я была живым воплощением, в которое реализовалась его мечта. Его первые стихи именно о такой любви, в них нет земной эротики, нет прикосновения, в них всё — дух витающий одной души рядом с другой.

*Белым-белым за окном снегом,
Тонким-тонким у меня слухом —
То ли ты летишь ко мне эхом,
То ли я к тебе лечу духом.*

*Тёмным-тёмным надо мной небом,
Станным-странным у меня страхом —
То ли ты идёшь моим следом,
То ли я иду твоим шагом.*

*Ну а если ты о чём спросишь,
Между мною и тобой скалы —
То ли ты ещё во мне бродишь,
То ли я ещё живу мало.*

*Отчего вдруг иногда плакать
Так легко, как будто я в детстве?
То ли ты уже — моя память,
То ли я уже — твоё сердце.*

Стихи Валеры были созвучны душевному настрою Николая. Они легко ложились в одно русло с теми мелодиями, которые рождались у него и становились песнями, не разделёнными на текст и музыку, обретая новую жизнь. Музыка и слова этих песен обладали какой-то магической силой, которая покоряла мно-

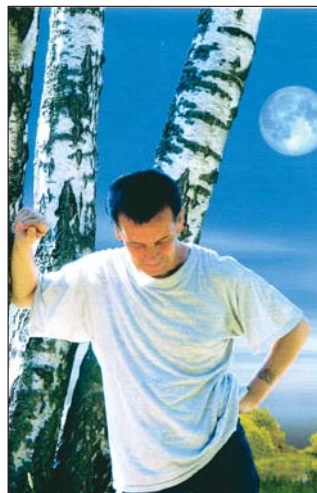
гих слушателей, томила великой жадой любви, которую все ищут на земле. И все неизменно спрашивали: «А стихи чьи?»

Это задевало Николая, и его ревнивое самолюбие стремилось занять моё внимание своими стихами. Его поэтические образы не сразу открылись мне своим скрытым смыслом, они казались мне рассудочными, сделанными, путанными. Только спустя годы я увидела в глубине этого тёмного колодца дневные звёзды переживаний Николая, его неустроенной души.

Это было удивительное время. Где-то далеко на востоке болело моё сердце, которое трудно было вернуть на своё место и утешить, но рядом были двое молодых людей, им не было ещё тридцати лет, которые с обожанием смотрели на меня и позже признавались, что стихи писали для меня и песни пели для меня, соперничая друг с другом, желая понравиться.

И тот вакуум внутри меня, где отсутствовало сердце, заполнялся, чтобы мне снова обрести веру в себя, радость бытия, ощущение своей нужности и желание поклонения, которого мне так не хватало как женщине.

Господь был рядом со мной, Он носил меня на руках, когда у меня не было сил ходить, когда у меня не было сил жить. У Него были свои планы на моё будущее, которые мне ещё предстояло узнать.

Я так никогда и не узнала,
чем и кем была для Валеры, —
он никогда не сказал об этом вслух.
Спустя годы я поняла, что была
в жизни Валеры скорее Музой,
чем женщиной.
Его жизнь сложилась так,
что в ней не было той любви,
о которой, может быть,
мечтала его душа.

дни скорби и надежд

*Пусть в частых
пытках поникая,
Сиротствует
и плачет грудь,
Но служит тайне
боль людская
И путь тревоги —
Божий путь...
Юргис
Балтрушайтис*

Новый год. В словах этих словно какая-то магия: у людей начинает ликовать сердце ещё задолго до праздника в ожидании веселья, обильных угощением столов, фейерверков, раскованных чувств, упивания, громких песен, перебивающих друг друга. Но самое главное — того удивительного чувства ожидания, свойственного детям, что Новый год — это исполнение надежд, мечтаний, приятных неожиданностей, и в этой магической вере — только радость, радость, радость. Только к этому празднику готовятся тщательно, покупая подарки и ожидая их от других. А кругом — ёлки, ёлки, ёлки...

В пору моего детства и юности никто не связывал свои мечты с приобретением квартир, машин, накоплением денег. Люди мечтали о простом и доступном: купить ковёр, заменить обои в квартире, в крайнем случае — приобрести радиолу. Вот такую радиолу в начале 60-х мне подарил отец, чтобы я могла, сидя в уголке за столиком, передвигаться по всему

Я привыкла к тому, что
родители живут мной, что
я — их единственная радость,
и позволяла им себя любить
бескорыстно и бесконечно.
Я тоже любила их. Плакала,
когда расставалась с мамой
каждый раз, оставаясь
в больнице, вспоминая её руки,
её голос, её слезы...
Мама была сдержанна
в проявлении своих чувств
ко мне, никогда не целовала
меня, лишь только при прощании
в больнице...

миру. Стрелка шкалы приёмника перемещалась то во Францию, то в Китай, то в Америку, песни звучали на разных языках, и это было такое чудо, которого теперь не знает никто, потому что оно перестало быть чудом. Технические возможности обрушились на нас в последние десятилетия, как из новогоднего мешка Деда Мороза. Мы, как дети, ахнули и быстро привыкли к новым игрушкам, используя их и уже не удивляясь.

А ковров в продаже тогда не было, их можно было купить только «по блату» или, записавшись в очередь, отмечаться год, а то и два.. Я сидела на диване, почти прислоняясь спиной к кирпичной стене, выходящей на лестничную площадку, от которой несло холодом, несмотря на электрический радиатор,

стоящий сзади меня на полу. Отец переживал, когда я начинала кашлять, и однажды ему удалось выпросить в одном из магазинов, который он обслуживал в качестве инкассатора, ковёр два метра на полтора, уцелевший у меня до сих пор.

А еще у нас была мечта купить хоть какой-нибудь телевизор, и когда он появился в нашем доме — этому чуду не было равных, ведь в дом пришли кино, театр, концерты, новости со всей страны. Передачи строго фильтровались цензурой, чем тогда были страшно недовольны свободомыслящие граждане. А сейчас мы восплакали от той «свободы», которая хлынула с экранов в виде развязных, распутных, жестоких и разнузданных передач и фильмов, и жаждем цензуры, чтобы она фильтровала этот поток.

Новогодняя ночь кружила на экране телевизора, обещая нового счастья в новом году. Но именно в новогоднюю ночь я была несчастнее всех на свете, потому что все мои дружки и подружки собирались в каких-то компаниях и только когда праздник миновал, я могла увидеть их.

С каждым годом приобретение ёлки становилось всё проблематичнее. Живущим в провинции полегче — леса-то рядом. Но каждая срубленная ёлка стоит всё большего штрафа, и если прежде отец без труда выискивал в лесу самую красивую, самую ровненькую и пушистую, то в последние годы приходилось срубать первую попавшуюся, да и сил у него поубавилось пробираться по глубоким сугробам в поисках красавицы и убежать, если нарвёшься на дружинника или лесника.

А без ёлки Новый год — не праздник. Праздник же начинается с предчувствия его, когда в дверной проём, сжимая ветки, пробирается она, и через несколько минут в комнате всё заполняется её запахом, лесом, снегом, новогодними сказками.

Для меня Новый год был и в радость, и не в радость. Радость от ощущения предстоящей жизни, неизвестных событий и обязательно встречи с каким-то человеком, который станет и любимым, и любящим.

Накануне первого после моей болезни Нового года, проснувшись утром, я услышала от отца, что на нашем балконе, который на зиму крепко заделывался, заклеивался до самой весны, вдруг появилась пушистая зелёная ёлка. Мы растерянно переглядывались, не понимая, как она могла оказаться на втором этаже. Любителем сюрпризов оказался Коля Милов, который, прослышав о нашей проблеме с ёлкой, привёз её рано утром на грузовой машине и закинул на балкон.

Так он пытался привлечь моё внимание к себе. И ему это удалось. Мне понравилось его романтическое стремление удивить всех нас этим сюрпризом, а не просто внести ёлку в дверь. Как редко сегодня у людей возникает такое желание — сделать для другого что-то необычное, удивить, вызвать восторг непредсказуемым неожиданным подарком. Нами

овладел прагматизм и усталость в проявлении чувств к любимым, близким, истощилась фантазия. Подарки стремимся сделать богатыми и нужными в хозяйстве, а так хочется неожиданного.

Пройдёт некоторое время, и я узнаю, на что ещё способна богатая Колина фантазия.

А пока наступал 1985 год, год, перевернувший прежний уклад моей жизни, обрушивший на меня столько горя и страдания, что, казалось, из этого океана невозможно выплыть. Я никогда не думала о своей смерти, и раздумья о ней приходили только в связи с вопросом: что я буду делать, когда умрёт мама. О маме я тревожилась, не представляя своего существования без неё.

Я никогда не думала о своей
смерти, и раздумья о ней
приходили только в связи
с вопросом: что я буду делать,
когда умрёт мама.
О маме я тревожилась,
не представляя своего
существования без неё.

В то время, когда работала над учебником и часто принимала снотворные таблетки, я откладывала каждый раз несколько таблеток в тайный сундучок. Вопрос «как жить без мамы?», который преследует многих инвалидов, находящихся в плену болезни, живущих руками и ногами своей мамы, для меня был решён. Таблетки были способом уйти вместе с ней — так мне было спокойнее.

В феврале отец заболел гриппом, от него заразилась я. Мы оба лежали с высокой температурой, но довольно быстро поправились. А мама слегла и надолго: её грипп перешёл в воспаление лёгких, а лечение от него окончательно разрушило её больное сердце, пережившее не один инфаркт.

Какими слезами покаяния теперь оплакать те дни, в которые живёшь только самым собой, своими неудобствами, своим раздражением, своей обидой на человека, который всю жизнь носил тебя на руках и вот устал и упал, а тебе всё хочется, чтобы он встал и по-прежнему посвящал тебе своё время, силы и жизнь.

Я привыкла к тому, что родители живут мной, что я — их единственная радость, и позволяла им себя любить бескорыстно и бесконечно. Я тоже любила их. Плакала, когда расставалась с мамой каждый раз, оставаясь в больнице, вспоминая её руки, её голос, её слезы, и всё во мне тосковало о ней, как тоскует маленький ребёнок по материнской груди. Мама была сдержанна в проявлении своих чувств ко мне, никогда не целовала меня, лишь только при прощании в больнице, и может быть, поэтому я выросла не очень ласковая на слова, поцелуи, объятия.

И вот она лежала, распластанная на постели после очередного укола медсестры, и плакала, что у неё очень болит сердце, и просила, чтобы я быстрее вызвала «скорую помощь». Я в десятый раз безуспешно звонила в больницу, и каждый раз мне отвечали, что машина ушла в дальнюю деревню, а она одна на весь район. Мама уже не плакала, она громко стонала, и я искала ей сердечные таблетки, которые она принимала всегда, но ей становилось всё хуже. Я плакала вместе с мамой, названивая подруге врачу Ларисе, которая заступила на вечерний прием. Она отвечала, что нет медсестры, и она пока без неё приехать не может, да и не на чем. Наконец подруга с медсестрой на милицейской машине приехали к нам, но давление у мамы было уже на нуле. Её тело положили на одеяло, пронесли мимо меня в прибывшую «скорую помощь», в которой она и умерла, не доехав до больницы. А я ещё не знала о её кончине и молилась, чтобы Бог помог ей выздороветь, чтобы уберёт её от смерти и она вернулась домой.

Маму я больше не видела ни живой, ни мёртвой. Это случилось 7 марта. Я не могла выпить все те таблетки, которые приготовила. Мне надо было заботиться о её похоронах, организовывать всё то, чего требует по-

Я не имею сил на настоящую молитву, сознаю это, понимаю, какой она должна быть, чтобы соединиться с Богом, а внутри такая рассеянность и вялость, что слова молитвы скрипят на зубах. Наверное, только один раз и молилась всем сердцем, когда на моих глазах умирала моя мама. Но неужели нам надо испытывать великие страдания, чтобы воздеть руки к Небу и обратить вопль своего сердца к Богу?

Отец был так потрясён
неожиданной смертью мамы,
что плохо ориентировался
в сложившихся обстоятельствах
и только повторял мне,
как заклинание: я тебя никому
не отдам.

следний долг, и поддерживать растерявшегося отца. Но я не могла находиться в своей квартире и видеть её в гробу. Меня унесли в квартиру к соседке Зое, с которой мы дружили, где я и находилась, трое суток отдавая команды. Отец был так потрясён неожиданной смертью мамы, что плохо ориентировался в сложившихся обстоятельствах и только повторял мне, как заклинание: я тебя никому не отдам.

Он был уже болен раком, и мы с мамой знали об этом, но, как это принято в нашей медицине и между близкими родственниками, о диагнозе ему никто не говорил. Я верю, что он догадывался и сам, но все мы делали вид, что никто ничего не знает. Я понимала всю безнадежность его слов, но меня утешала эта фраза своей уверенностью, что я по-прежнему самая любимая и единственная для него и в горе. Когда я молилась о маме, наверное, тогда я больше думала о себе, что она нужна мне, как носительница жизни моей. И во мне не утихает чувство вины за своё отношение к матери — отношение высокомерное, пренебрежительное как к человеку необразованному, примитивному.

Часто мы отвечаем своим матерям «Да что ты понимаешь!», когда мать пытается подсказать нам, как надо праведно жить, наученная своей матерью. Это пренебрежение мать всегда чувствует, и нет её душе более жестокого ранения, чем увидеть, что дитя выросло бессердечным, безжалостным, и жить дальше с этой обидой, и продолжать любить своё дитя, и пытаться опять наставлять, оберегать, облегчать участь своего чада.

Если бы всем нам, ещё живущим на этом свете, Господь открыл всю правду нашего отношения к своим родителям, братьям, сёстрам, соседям, просящим нас о милости, мы ужаснулись бы своему чудовищному эгоизму, и ни в чём не могли бы себе найти утеше-

ния. Господь нас оберегает до поры, как оберегал Он меня в дни утраты. Странное состояние было у меня в то время. Я жила, словно под наркозом, обезболивающим мои чувства, а чувство было только одно: без мамы я долго не протяну. Эта мысль не пугала, она стала привычной и для меня, и для окружающих. Я не знала, кто завтра поднимет меня с кровати, посадит на диван, подаст мне умыться, накормит меня, поможет сделать мне все мои дела, а вечером совершит мой туалет, уложит в постель и всю ночь будет переворачивать моё тело с одного бока на другой.

Здоровые люди даже не задумываются, какая это проблема для немощного: почистить зубы, умыться, причесаться, пристроить свое тело так, чтоб оно не падало, чтоб ему было удобно сидеть, чтоб рука двигалась и могла работать, чтоб возможно было жить. Всё это должен делать кто-то второй. Кто?

Ещё в пору, когда мама была жива, но ей всё трудней было заниматься домашними делами, к нам приходила Женя Гладышева, моя подруга раннего детства, с которой мы проводили много времени вместе. Она жила через дорогу напротив нашего дома в глубине двора в каком-то большом амбаре, который, вероятно, был частью бывшего помещичьего дома, ставшего приютом для детей-сирот в послевоенное время.

Она родилась у горбатой нищенки Поли, которая прирабатывала уборщицей на соседнем мелком предприятии, получая копеечную зарплату, и Женя всегда была голодной. Она была старше меня на три года, и моя мама часто просила её поиграть со мной, чтоб мне одной не было скучно, а мама могла заняться своими делами по хозяйству: покормить поросёнка, сходить за водой на дальний колодец, подоить корову. За это мама прикармливала Женю всем, что было в нашем доме. Я поражалась, глядя на подругу, как она, выта-

Женя Гладышева,
моя первая сиделка.

Женя Гладышева, «мам Жень»,
вернулась в мой дом после
первого маминого инфаркта,
чтобы помогать стирать
наше бельё, что она и делала
несколько лет.

чив из борща кусок жирной свинины, смачно чавкала с наслаждением, с текущими подбородку каплями жира, и удивлялась: как это можно так есть. Больше всего мы с нею вместе любили грызть сухари из горбушек, остававшихся от буханок чёрного хлеба, которые мама высушивала в печке и складывала в ящик кухонного стола. Нам разрешалось съесть хоть всё, хотя мама сушила сухари, чтоб потом их размочить поросёнку. Сухари с водой — незабвенная пища, особенно для Жени. Она успевала набить ими карманы, а когда мы играли в куклы, построив по разным углам комнаты свои кукольные квартиры, мы могли сухарями кормить и кукол.

Когда наступала зима, Жене разрешалось гулять со мной по заснеженным улицам. Я бесконечно любила эти зимние вечера, когда Женя возила меня на санках. Совсем рядом снежные сугробы, которые я могла потрогать руками, в окнах тёплые огни и чья-то неведомая жизнь за ними, а если с неба ещё и сыпался снежок, то это было чудо, и домой совсем не хотелось, хотя одеяло, в которое были укутаны мои ноги, уже почти совсем промокло. Но меня уносили домой.

Когда мы подросли и Женя стала красивой девушкой, дороги наши разошлись: ей дали квартиру, и она переехала далеко от меня. Женя вышла замуж, и долгое время я ничего не знала о ней.

Она вернулась в мой дом после первого маминого инфаркта, чтобы помогать стирать наше бельё, что она и делала несколько лет. В одну из таких встреч я спросила её, пойдёт ли она жить ко мне, ухаживать за мной, если с мамой что-то случится. Лексикон Жени с годами не изменился, с тех пор, как я её знала, только прибавились ещё более грубые житейские выражения. И на мой вопрос она ответила лихо: «Не ссы, прорвемся!»

Пока я разыскивала Женю, со мной жила моя тётя Зина, которая в детстве жалела меня и носила на руках в кино, в лес, на речку. Её молодая красота ушла, её руки стали сухими от полиартрита, и сама она вся худенькая и обессиленная. Но никто больше из моих родственников не пришёл ко мне в горький час, кроме неё и московской тёти Вари, которая приехала на похороны и потом навещала меня, чтобы помогать по хозяйству, да и контролировать нашу жизнь с Женей. Обеим моим тёткам было не под силу носить меня, многочисленные друзья из других городов, которые пришли в первые дни моего нового положения, вскоре разъехались по своим домам, и никто из них не мог взять на себя такую обузу, как я: у всех находились какие-то причины, свои домашние проблемы, у всех было оправдание, у всех была своя жизнь.

Тётя Зина.

тётя Варя.

Ольга Осиюк.

И я до сих пор благодарна одной из моих подруг Оле Осиюк, которая и сама махонького роста, худенькая, весом не больше меня, но именно она, вот такая, в ту тяжкую минуту решилась на невозможное — взять меня к себе, чтобы вдвоём с мужем ухаживать за мной. И хотя это предложение вызывало улыбку, но оно давало мне надежду, что я не попаду в дом престарелых и инвалидов. Несколько лет назад её брат Алик Осиюк тоже утешал меня в трудный час. Я знавала и их тетку Нину Фёдоровну, человека, отзывчивого на все просьбы, и у меня сложилось впечатление, что в этой семье переходящее из поколения в поколение чувство добра, свойственное каждому из них. И думаю: вот если бы во всех нас, человеках, была такая генетическая доброта, которая без раздумий рассудка действует по воле сердца!

Женя пришла ко мне через две недели, когда ей сообщили о смерти мамы. Она взяла на себя всю ту работу, которую не мог выполнять мой отец. Так мамин хлеб, протянутый девочке когда-то, вернулся её руками, обращёнными

ми ко мне. Эти руки были похожи на мамыны, они сразу научились обращаться со мной днём и ночью.

В нашей квартире по-прежнему было чисто, мы спали на белых простынях, на кухне всегда было что поесть, и, казалось, ничего не изменилось. Только отец почти каждый день с утра уходил на кладбище, находя для себя какую-нибудь причину: то холмик могильный поправить, то ограду покрасить, то скамейку сделать... А я подозреваю, что он ходил туда поплакать. Их с мамой корни так срослись за годы совместной жизни, что не могли разорваться и после смерти одного из двух.

У меня появились новые друзья из Москвы — супруги Аля и Арон, которые вносили в наш привычный быт какие-то новые веяния. Они руководили группой здоровья, и вместе с ними часто приезжали взрослые и дети из этой группы. Аля пыталась поддержать во мне дух здоровья, интерес к жизни, и иногда это старание превращалось в практическую деятельность: члены её группы бегали босиком по снегу вокруг нашего и соседнего домов, демонстрируя учение популярного тогда чудака из Сибири Порфирия Корнейча Иванова, который зимой ходил в одних трусах, обливался ледяной водой из колодца и прославлял в здоровом теле здоровый дух. Аля и Арон были его последователями, а мои соседи с удивлением выглядывали из окон, дивясь каким-то сумасшедшим, сбежавшим из психушки. Они были близкими друзьями ТиВи, она и познакомила нас.

Вместе с ними в мою жизнь вошли перепечатки с книг о неизвестных мне восточных учениях: «Бесконечность», «Астральный мир», «Агни-йога», «Доктрина Блаватской» и т. п. Все эти «самиздатовские» произведения лежали на полке в книжном шкафу не востребова-
нными, поскольку мой интерес к ним не пробудился. По рукам ходили гороскопы, какие-то

В мою жизнь вошли перепечатки с книг о неизвестных мне восточных учениях: «Бесконечность», «Астральный мир», «Агни-йога», «Доктрина Блаватской» и т. п. Все эти «самиздатовские» произведения лежали на полке в книжном шкафу не востребова-
нными, поскольку мой интерес к ним не пробудился. По рукам ходили гороскопы, какие-то тайные послания инопланетян, якобы принятые экстрасенсами из-за пределов земли, которую нам пытались открыть Аля и Арон.

тайные послания инопланетян, якобы принятые экстрасенсами из-за пределов земли, которую нам пытались открыть Аля и Арон.

Мировой социализм на всей земле никак не получался, коммунизм никак не строился, и мы искали что-то необычное вне земли, и в этих поисках часто выходили на ложные пути, отвлекающие от пути истинного. Но это всё-таки было какое-то движение мысли и желание познавать мир и себя в нём.

Из далекого Ростова ТиВи пыталась помогать мне, организовывая наёмные работы взрослым членам своего клуба, чтобы заработанные деньги прислать мне для Жени и тем удержать её около меня. Татьяна словно следовала традициям тимуровского движения, которое когда-то вышло из книги Аркадия Гайдара «Тимур и его команда» и полюбилось всей стране. Хорошая идея этой книги сразу была взята на вооружение коммунистическим воспитанием и стала внедряться в школы, пионерские отряды, но вскорости, потеряв свою игровую суть, превратилась в обязательку, формальность и угасла.

ТиВи всегда поражала нас каким-то необычным появлением, одно из которых произвело сильное впечатление не только на меня, но и на всех соседей. Ещё через окно я узнавала о её прибытии по звукам собачьего лая, которым она извещала о своём явлении. А следом за ней на второй этаж по лестнице поднималось человек тридцать её клубных детей от мала до велика. На улице шел проливной осенний дождь, дети были мокрые и снимали грязную обувь, расставляя по всей лестнице, а верхнюю одежду развешивали на перилах — сушиться. ТиВи входила первой, пытаясь представить каждого по имени. Ребята вваливались в дверь, напоминая мне выход из камина на балу из только что прочитанной книги М. Булгакова «Мастер и Марга-

рита». Каждому ТиВи давала характеристику, и каждый был хорош собой. И это было свидетельством её характера, её души — говорить о людях только самое светлое, самое чистое, самое хвалебное, словно ничего неприятного, предосудительного она в людях и не видела. Позже я прочитала: «Чистое око не зрит лукавого». Она никогда никого не осуждала, веруя в ту человеческую сущность, которая озарена Божьим светом.

В нашей четырнадцатиметровой комнатке такую компанию усадить можно было только на полу, что ребятишки и сделали, согнув колени под подбородок. Первый ряд сидел у окна под горячей батареей, потом ещё несколько рядов до самого моего дивана. Одному мальчику, самому маленькому, места на полу не хватило, и ему пришлось залезть под стол. Рядом с диваном, на котором сидела я, между ребятами и мной втиснулся тощий высокий Володя Цех, помощник ТиВи во всех её клубных делах. Я не помню, о чём мы говорили, да и важно ли это.

Самым главным уроком ТиВи был урок доброты и любви, и такие уроки были смыслом жизни её клуба.

Наполняли мою жизнь добром и любовью и наши встречи с Валерой и Колей. Почти каждый летний вечер под моим балконом раздавался рокот мотоцикла, и голос Прокошина долетал снизу в моё окно: «Киселёва, мы приехали! Ты нас ждёшь?» Я ждала их всегда. И мне кажется, их ждали и соседи, чтобы был повод для обсуждений. Женя вываливала на стол картошку в мундирах, квашеную капусту, солёные огурчики, и если ребята привозили с собой бутылочку водки, то за столом на весь вечер был оживлённый разговор, читались стихи, пелись песни, а у Жени был повод самоустраниться, выйдя на дворовую лавочку.

Наполняли мою жизнь
добром и любовью и наши встречи
с Валерой и Колей.

Почти каждый летний вечер
под моим балконом раздавался
рокот мотоцикла, и голос
Прокошина долетал снизу в моё
окно: «Киселёва, мы приехали!

Ты нас ждёшь?»
Я ждала их всегда.

Шляпный день.

Ещё рядом был мой отец. Иногда он присоединялся к нашей компании за скромным застольем с водочкой и селёдочкой, со стихами и песнями, чтобы посидеть рядом с молодыми. Ему тоже хотелось рассказывать что-то своё, и неизменно во все годы он возвращался к одной и той же теме — теме войны и своего молодого времени, проведённого в партизанском отряде соседнего Угодско-Заводского района. Не один раз из года в год, слушая эти рассказы об одном и том же, я начинала раздражаться, пытаюсь перевести разговор на другую тему.

И так стыдно теперь осознавать моё непонимание своего отца, который был таким же молодым, как мы тогда, только рядом со смертью. Он уверял, что быть в партизанском

отряде страшнее, чем на фронте, — отряд находился между линиями наших и вражеских окопов, и пули свистели и с той, и с другой стороны. Отец не был речистым, его рассказ был сбивчив, и трудно было понять с его слов последовательность действий партизан в то далёкое время.

Невозможно сейчас представить, как можно жить в лесу посреди сугробов в холодной землянке, которую немцы могли обнаружить каждую минуту, и как возможно отряду из шестидесяти человек с винтовками старого образца, объединённому с такими же малочисленными партизанскими отрядами Подмосковья, напасть на немецкий штаб корпуса и ликвидировать шестьсот солдат и офицеров, разгромив четыре здания, захватив важные документы. О разгроме этого немецкого штаба упомянул в своей книге мемуаров маршал Георгий Константинович Жуков — значит, эта операция действительно была значительной в подмосковном противостоянии. Отец всю жизнь не мог забыть тот страшный ночной бой, в котором погибли его товарищи. А потом, по возвращении партизанского отряда на место базирования в глубоком лесу, когда вымотан-

Встреча бывших партизан.
Слева направо: В. Горбачёв,
П. Шепилов, Г. Киселёв.

ные боем и бессонными ночами люди падали от усталости и засыпали на ходу, преследовавшие фашисты добивали их штыками. Но об этом ни в одной книге написано не было.

Я так и не узнала, был ли мой отец храбрым, только помню, он говорил, что никогда не бегал от пуль, убедившись, что попадает под пули именно тот, кто мельтешит во время стрельбы.

Я пыталась написать в газету статью о его партизанском отряде, но статья отцу не понравилась: он сказал, что я всё перепутала. Чуть позже вышла книга «Пароль — “Родина”» Е. Самойлова, прочитав которую отец ещё раз вздохнул от того, что многое в книге было неправдой. Отец всегда был скромным и в отряде тоже не был выскочкой, может, поэтому в книге нет даже его фамилии.

А сегодня неправдой о войне заполнены многочисленные учебники по истории, и так грустно думать, что уходят из жизни последние свидетели того времени, тех событий. Многие из сегодняшних детей не знают имён Жукова, других маршалов войны, не знают, что такое блокада, в каком году началась мировая война, а в каком закончилась, словно всё покрывается пеплом отгоревшего времени. И только на официальном уровне ещё почитаются победы советского народа — парадом на площадях городов нашей страны, салютами в память об ушедших и ещё живых в попытке удержать историческую память тех лет. А государство награждает последних стариков квартирами и машинами, когда время жизни ушло.

Когда хоронили моего отца, у могилы не выступил ни один представитель партийного органа, хотя отец мой вступил в ряды КПСС в партизанском отряде в самый страшный 1941 год, когда коммунистов в плену первыми выводили на расстрел. Да что говорить о

равнодушии других, если и сама я не успела ни одного слова благодарности сказать своему родному и любимому отцу. Нам всегда кажется, что родители с нами вечно, что когда-нибудь завтра, послезавтра мы ещё успеем повидаться с ними, обняться, сказать слова любви, согреть их старость и одиночество.

Людская многочисленность окружила меня кольцом своего внимания, вытеснив из этого круга самого родного человека. В детстве, когда при возвращении из санатория мне выдавали собственную мою одежду вместо больничной, я плакала, уловив запах бензи-

Что говорить о равнодушии других, если и сама я не успела ни одного слова благодарности сказать своему родному и любимому отцу. Нам всегда кажется, что родители с нами вечно, что когда-нибудь завтра, послезавтра мы ещё успеем повидаться с ними, обняться, сказать слова любви, согреть их старость и одиночество.

Раскаяние

на, оставшийся от рук отца, носившего меня: «Папа! Папой пахнет!» И потом, когда этот запах исходил от кого-то, он неизменно вызывал у меня слёзы тоски по отцу. Почему же мои глаза были сухими, пока он был ещё рядом, хотя болезнь уже скручивала его. Он был удивительно бодр в свои семьдесят два и боялся только одного: чтобы его не выпроводили на пенсию с работы инкассатора, которая требовала хорошего здоровья и подвижности.

Когда врачи рекомендовали сделать ему операцию, он воспротивился. Всю оставшуюся жизнь с той поры я ношу в себе муку сожаления о том насилии, которое я совершила в отношении отца, настояв, чтобы он лёг в больницу. Я убеждала его в необходимости лечения, собирая ему вещи для больницы, а он плакал по дороге, уходя из дома, навсегда.

Мы общались с ним по телефону. Он как будто смирился и был доволен больничными условиями, и в нём поселилась надежда на положительный исход после операции, который предполагал врач. Меня утешало его настроение, и я тоже питала надежду, что мы ещё увидимся. После наркоза у него развился склероз, он стал путать события, время, забывать, что умерла его любимая жена, и когда его навещали сестра Зина, моя тётка, и её сын Валерий, мой двоюродный брат, всё спрашивал: «Ну, как Дуська?» В минуты просветления ему рассказывали обо мне, о людях которые помогают мне жить, о том, что начали реставрировать церковь Бориса и Глеба, на которой уже выросли медные купола, чему он очень радовался, а более всего, наверное, тому, что его дочь принимала участие в этом.

Это был первый храм в Боровске, который реставрировался после разрухи. Коля укутывал меня в одеяло и выходил со мной на руках на пяточок в начало переуллка напротив нашего дома. Оттуда был хорошо виден храм Бори-

Помогите!

Мы живём не осознавая
окружение, скрытое
от нас, которое стремится
поразить не тело наше,
но душу. И страх перед
насилием физическим
преобладает в нас.
Мы оберегаем себя
от него, но не боимся
невидимых врагов,
разрушающих внутреннюю
суть Божественного в нас:
совесть, честь,
достоинство — мир души
нашей.

са и Глеба. Мы с ним любовались этим чудом,
пока у Коли не уставали руки. Валера Проко-
шин писал тогда:

*Солнце выросло в небе,
Ночь была — не была.
На Борисе и Глебе
Золотят купола.*

Здоровье отца не улучшалось, а ухудша-
лось, врачи велели ему подниматься, чтобы

В детстве,
когда при возвращении
из санатория мне выдавали
собственную мою одежду
вместо больничной, я плакала,
уловив запах бензина,
оставшийся от рук отца,
носившего меня:
«Папа! Папой пахнет!»
И потом, когда этот запах
исходил от кого-то,
он неизменно вызывал у меня
слёзы тоски по отцу.

не было отёка лёгких, а он сердился, отвечая, что у него нет сил. Он просил, чтобы его взяли домой. Врач предлагал мне осуществлять домашний уход за моим отцом, а я не знала, что мне делать, потянет ли Женя уход за двумя беспомощными людьми: стариком и инвалидом. Её здоровье тоже пошатнулось.

А меня опять скоропостижно увезли в больницу: напряжение последних дней обернулось новым «ранением» в живот, и я очутилась под капельницей. Жене пришлось быть со мной и в больнице. Она терпеливо сносила все повороты в моей судьбе, никогда при этом не унывала, только материлась ядрёнее — без мата она никак не могла выстроить фразу. Она всегда находила слова утешения, но, навестив однажды моего отца в Институте медицинской радиологии, где он лечился, не скрывая, сказала мне, что отец — не жилец.

Её соучастие в моей жизни иногда принимало казусные формы: медсестра пришла сделать мне укол со снотворным раньше времени, в которое я не готова была спать, и Женя подставила свою ягодицу со словами: «Чего ж добру пропадать!» Я боялась, что всю ночь не смогу её добудиться, а она уверяла: «Да чего такой кобыле будет от этой дозы!»

Мои слёзы, наконец, хлынули, когда я похоронила отца и скорбела о том, что не решилась взять его домой из больницы в последние дни его жизни, ведь я знала, что старики хотят умирать дома.

Никогда не надо уступать рассудку — это я понимаю теперь — только сердце, только его внутренняя милость, только совесть, через которую идёт Божий глас, понимают, как надо действовать и как жить.

Он умер глубокой ночью шестого августа, почти седьмого числа, этого же года. Эта цифра стала «семейной» для нас, ведь спустя несколько лет умерла тётя Зина — седьмого февраля.

Итак, я осиротела. Женя, любившая и прежде выпить, почувствовала некую свободу, часто уходила из квартиры во двор, где стоял наш сарай, где собирались её приятели, с которыми можно было наедине поговорить о своём, с ними же и выпить. Жизнь моя стала ненадёжнее, ведь заступиться за меня уже было некому. Я ещё не видела Божьего Промысла, предназначавшего мне руки, которые будут меня носить.

путь за пределы самой себя

*Не ропщите:
всё проходит.
И ко счастью иногда
Неожиданно
приводит
Нас суровая беда.
Евгений
Баратынский*

Наступал очередной Новый год, 1986, но я не ждала от него ничего хорошего. Я чувствовала себя одинокой на целом свете и виделась себе маленьким ребёнком на огромной планете. «Планетой» была моя комната, по которой ходила Женя, вытирая пыль и приговаривая: «Будет еще и на моей улице праздник». Так она терпеливо ожидала, когда будет хозяйкой в этом доме, унаследовав квартиру после моей смерти. От этой фразы щемило сердце, она означала для меня, что в этом мире меня скоро не будет. И мы обе не знали о предстоящих планах свыше.

Впервые в новогоднюю ночь я была без родителей, но не одна. Валера и Николай, сочинив какие-то несусветные маски, колпаки, приехали ко мне, чтобы вместе повеселиться. Но веселье не очень получалось — у всех нас были свои проблемы. Валера женился, но жизнь его с женой была напряжённой, и только ребёнок соединял их. Разные по интересам, они, как рассказывал Валера, постановили

не мешать друг другу: у него своя жизнь — поэзия, у неё своя жизнь — шкаф с одеждой, а посреди — дети. На подходе был второй ребёнок, который окончательно завязал в узел эту семью.

Несколько лет назад, когда Николай, едва вернувшись из армии с видом бывалого моряка, в бескозырке и в клёшах, сразу попал в объятия красавицы Валентины, побывавшей замужем, имевшей ребёнка, и, не выходя из этих объятий, очутился в загсе. Семейная жизнь не очень заладилась, и только когда родился маленький Коля, прижав его к себе, Николай почувствовал семью. Но и это счастье длилось недолго. Разные представления о жизни ежедневными пустяками разрушали этот союз.

Николай любил рисовать. Однажды Валера привёз мне тетрадку в клеточку с его рисунками и протянул со словами: «Посмотри, помоему — здорово, а он их выбрасывает». Николай не придавал значения своим рисункам, но после моего одобрения стал удивлять всех нас обилием разнообразных работ: от комических до трагических тем. Его весёлый нрав выражался в довольно острых шаржах, карикатурах, а его склонность к депрессии искала выражения в трагических сюжетах войны, одиночества, в изломанности линий и преобладании чёрных пятен. Такова была амплитуда его души: от клоунады до мрачного настроения. Жена на его творчество реагировала однозначно: «Ты не человек, ты — художник!» — и это означало его несостоятельность. У Валентины его творчество не вызывало ни интереса, ни надежды на доход. Правда, она обеспокоилась его частым общением со мной и однажды приехала вместе с ним посмотреть, не представляю ли я угрозы в качестве соперницы. Угрозы она не увидела и больше никогда не появлялась в моём доме.

В эту новогоднюю ночь она уехала «на недельку в Комарово», откуда вернувшись, сообщила о своём разводе с Николаем, встретив в доме отдыха достойного человека, который готов стать её мужем. Забавно, что её новый муж был профессиональным художником.

Николай ежедневно стал бывать у меня, приезжая прямо с работы, — свой дом стал для него чужим, а сам он нежелательным. Мам-Женя, как он называл Женю, с удовольствием кормила его борщом, картошкой, капустой, винегретами, и наше общение с Николаем незаметно превратилось для меня в его привычное присутствие. Нас объединяло искусство рисования, он показывал свои новые работы, и нам всегда было о чём поговорить.

У самой меня наступил творческий кризис. Я стала повторяться в своих нежно-ласковых рисунках и по темам, и по техническому исполнению. Мои работы полюбились зрителю, и можно было штамповать их дальше, но моя неудовлетворённость искала другие пути.

Я вспоминаю себя тех лет как женщину, про которых говорят «язва». Я кокетничала по телефону с незнакомцами, случайно позвонившими мне, увлекая их разговорами, стараясь им понравиться и возбудить к себе интерес. Иногда это перерастало в длительные повторяющиеся беседы, которые неизбежно будили в незнакомцах непреодолимое желание встретиться, что было уже границей для меня, и я исчезала из их жизни, как пролетевшая комета, махнув своим сверкающим хвостом. Мне не больно было делать мужчинам больно. Я никому ни за что не мстила, и я до сих пор не знаю, каким словом определить это глубоко внутри меня живущее жало.

Вдохновение Николая рождало рисунки и тушью, и пастелью, и углём то реальных боровских дворов и улиц, то неожиданных фантазий, космических видений в абстрактном решении, то соединением реального с фантастическим, что каждый раз удивляло меня и всех, кто это видел. Словно долго дремавший под землёй водный поток вдруг хлынул на поверхность.

В ежедневном проращении друг к другу зарождалась нечто неосознанное, что не являлось нашим желанием, но назревало как неизбежность. И однажды он сделал мне предложение стать его женой. Это не сопровождалось объяснением в любви, что обычно случается в попытке понравиться, это было как данность, известная только Ему.

Я посмеялась над этим предложением. Мамино воспитание сказывалось, хотя в самой глубокой глубине меня, ещё при жизни мамы, подсознательно гнездились знание, что когда мама умрёт, я выйду замуж. Николай был настойчив, повторил своё предложение. Я опять отклонила его, но скорее из кокетства, играя в недосыгаемую женщину.

Я вспоминаю себя тех лет как женщину, про которых говорят «язва». Я кокетничала по телефону с незнакомцами, случайно позвонившими мне, увлекая их разговорами, стараясь им понравиться и возбудить к себе интерес. Иногда это перерастало в длительные повторяющиеся беседы, которые неизбежно будили в незнакомцах непреодолимое желание встретиться, что было уже границей для меня, и я исчезала из их жизни, как пролетевшая комета, махнув своим сверкающим хвостом. Мне не больно было делать мужчинам больно. Я никому ни за что не мстила, и я до сих пор не знаю, каким словом определить это глубоко внутри меня живущее жало. Но в данной ситуации мне было не до игры.

Валера принял эту новость покорно, стиснув зубы, еле слышно сказал: «Ну, соглашайся...» Зато бурно отреагировал Виктор Жигарёв, крича, что за Милова замуж выходить нельзя, потому что он выпивоха. Мне наивно думалось, что если человеку дана жизнь, согласная с его влечениями, его талантами, то страсть к питью отпадёт.

Незадолго до этих событий мне приснился сон: две мужские ладони протянуты ко мне, будто призывая положиться на них. Лица не видно, и я побаиваюсь прикоснуться к этим ладоням, но что-то внутри меня согласилось: «будь, что будет!» — и я положила свою голову

В ежедневном прорастании друг к другу зарождалась нечто неосознанное, что не являлось нашим желанием, но назревало как неизбежность.

В доме царила
атмосфера радости
и любви,
которая еще долго
вспоминалась друзьями.

Скрипка Аллы Лаврентьевой
звучала всю свадебную ночь
наперебой с соловьиными
трелями.

на эти ладони. Я ощутила удивительное чувство облегчения, всё мое существо стало невесомым, словно тяжесть моей жизни, тянувшая к земле, была подхвачена этими руками. И скоро этот сон материализовался.

В январе, посреди глубокой стужи, ночью я проснулась от запаха черёмухи в доме. Подумала, что пахнет мылом, которым умывались накануне, да с тем и уснула. А 9 мая, когда стояла теплынь, как летом, и всю цвела черёмуха, мы с Николаем справляли свадьбу. Я никогда не искала реального подтверждения своим снам, но в мечтах моей юности мне виделся образ мужчины-моряка, который был кудрявым, умел петь и играть на гитаре. Этот образ и реализовался в Николае.

Неожиданный поворот в моей судьбе случился не по нашему желанию. Он был необходим для будущего, которого мы ещё не

видели, и думали, что это решение принимаем сами, наивно полагая в этом своё великое предназначение, как если бы с нас начиналась новая эра.

Свадьба гулялась до утра, соловьи пели наперебой с гостями и звучащей весь вечер скрипкой моей калужской подруги Аллы Лаврентьевой, шампанское лилось рекой, а за полночь разгорячённые гости ринулись на речку окунаться в весеннюю воду. На свадьбе звучала песня на новые стихи Валерия Прокошина: «И только вы, счастливые безумно, и только вы, красивые безмерно». И потом долго эта песня жила внутри нас.

В эту ночь в доме царила удивительная атмосфера такой наполненности радостью, блаженством, благодатью, что после свадьбы все обменивались единым чувством, которое было в душе — желание любить, всех обнять, радоваться жизни. И ещё долго не таяло это ощущение. Только один человек был в отчаянии: читая для гостей свои стихи о любви, посвящённые мне, вдруг неожиданно, собрав все листочки вместе, Валера сунул их в огонь свечи, так что едва удалось спасти отдельные из них.

После нашей свадьбы Валера долго болел, у него был нервный срыв, который выразился в непроходящей экземе рук и ног на многие месяцы. И всякий приезд его в наш дом был расстройством для него. Витя Жигарёв, сочувствуя ему, уговорил его прекратить поездки к нам, и некоторое время мы с Валерой не виделись. Я сокрушаюсь теперь тем своим неожиданным поворотом в отношениях с Валерой, чувствуя себя предательницей.

На свадьбе был и Слава Рыжов, прилетевший в отпуск в Москву. Наша связь постепенно наладилась: он помогал деньгами на похороны моих родителей, присылал утешительные письма, а моё сердце уже далеко отстояло от него. В ту пору он был женат и у

В январе, посреди глубокой стужи, ночью я проснулась от запаха черёмухи в доме. Подумала, что пахнет мылом, которым умывались накануне, да с тем и уснула. А 9 мая, когда стояла теплынь, как летом, и всю цвела черёмуха, мы с Николаем справляли свадьбу.

него росла дочка Аня. А семья не сложилась.

Брак наш с Николаем был необычен: здоровый красивый парень младше меня на пятнадцать лет и я, разбитая болезнью, уставшая от бед, готовая к переходу в жизнь иную. Наутро весь город гудел этой новостью.

Моя подруга Татьяна Хорошилова, журналистка, писавшая обо мне статью в «Комсомолку», восторгаясь моим мужеством, узнав о свадьбе, была в шоке и только твердила: «Как ты могла выйти замуж! Ты была для нас пример героической личности, а теперь ты стала просто бабой...» Я только улыбалась в ответ — мне так хотелось быть бабой.

Спустя годы я подумала, о том, что я посылалась всей своей тяжелой жизнью во испытание каждому из тех, кого я любила, но

Спустя годы я подумала, о том,
что я посылалась всей своей
тяжкой жизнью во испытание
каждому из тех, кого я любила,
но это испытание было им не
под силу. Мне увиделось, что
Господь выбирал человека,
способного быть со мной
не стихами, не песнями, не
романтическими письмами,
а готового взвалить на себя
крест моей жизни, принимая
все обязанности и заботы от
приготовления пищи до горшка,
а по сути, рождая свою личность
заново в экстремальной
ситуации.

это испытание было им не под силу. Мне удалось, что Господь выбирал человека, способного быть со мной не стихами, не песнями, не романтическими письмами, а готового взвалить на себя крест моей жизни, принимая все обязанности и заботы от приготовления пищи до горшка, а по сути, рождая свою личность заново в экстремальной ситуации.

Мои друзья, соседи, граждане города сошли бы с ума, если бы их не удерживало любопытство: а что же дальше? Тут бы и закончить, как в сказке: «И стали они жить-поживать и добра наживать», да не тут-то было.

Этому событию предшествовали обстоятельства, зажавшие меня со всех сторон. Женя прожила со мной около двух лет, она похудела, а её волосы почему-то стали кудрявыми. Её прежняя трудная, не сложившаяся семейная жизнь сказалась на здоровье, и она так и не дождалась моего наследства. Она часто ходила в больницу, и однажды сообщила мне, что ей надо делать операцию, и это означало наше расставание.

Мне пришлось срочно искать замену ей. В дом стали приходить какие-то тётки с железными зубами, они разглядывали квартиру по всем углам и рассуждали вслух, где они поставят свои рулоны ковров и другие вещи.

Мы с Колей сидели в своём уголке на диване, нахохлившись, как птицы в клетке, с ужасом представляя свою будущую жизнь с этими чужими людьми, которым не до меня. Сложившейся ситуацией я поделилась с Ниной Добриковой, моей подругой-актрисой, которая в это время находилась в Якутске, работая в тамошнем театре по контракту. Её сердце тронула ситуация безысходности, в которой мы с Колей очутились. Мы-то надеялись жить с мам-Женей, как дети, занимаясь творчеством, устраивая наши совместные выставки, Колины концерты.

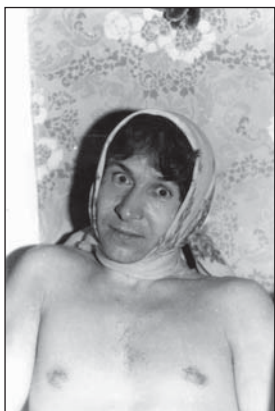

Нина Добрикова, актриса, жила со мной после Жени.

Ниночка — так звали мы её все годы — была хрупкой, с интеллигентным лицом, с распущенными по плечам длинными локонами.

Она вошла в мой дом уверенной походкой, и я внутри себя вздрогнула: да как же она меня поднимет? Непременно что-нибудь сломает во мне и в себе... Но когда утром наступило время туалета, и я не могла скрыть своего страха, как ей удастся посадить меня на горшок её худенькими руками, она поучительно-назидательным тоном сказала мне фразу, которую я запомнила навсегда: «Если ты веришь в Бога, то как ты можешь бояться, ведь он не даст тебя уронить».

Припав к Колиному плечу,
я рыдала вслух, чего не было
со мной даже в пору смерти
моих родителей. И только
благодаря такту Николая, его
деликатности, его умелым
рукам, отсутствию брезгливости,
благодаря его шутливости,
нежности, я довольно быстро
преодолела своё стеснение,
свой ужас обнажённости наших
взаимодействий.

Мамка Колька

Нина была погружена в восточную философию, и, глубоко войдя в учение Рерихов, Блаватской, хотела быть проводником их учений и жить по этим учениям. Она оставила в Якутске своего мужа, работу и прилетела ко мне на крыльях своей идеи.

Ниночка — так звали мы её все годы — была хрупкой, с интеллигентным лицом, с распущенными по плечам длинными локонами. Она вошла в мой дом уверенной походкой, и я внутри себя вздрогнула: да как же она меня поднимет? Непременно что-нибудь сломает во мне и в себе... Но когда утром наступило время туалета, и я не могла скрыть своего страха, как ей удастся посадить меня на горшок её худенькими руками, она поучительно-назидательным тоном сказала мне фразу, которую я запомнила навсегда: «Если ты веришь в Бога, то как ты можешь бояться, ведь он не даст тебя уронить». Её руки меня не уронили. Они научились жить с моим телом в гармонии и терпеть мучительные ночи, когда под мной расползалась мягкая перина, и каждый раз ей надо было проснуться и, перевернув меня набок, подбивать со всех сторон пух и перья так, чтобы телу моему было удобно и возможно уснуть.

Ниночке пришлось, постирав бельё, спустаться по крутой горе к речке, чтобы прополоскать, поскольку в старом доме не было ни воды, ни канализации, и по этой же причине ходить далеко к колодцу за питьевой водой. Гора так и называлась — Крутиха, и зимой дети с неё катались на санках. Летом корзину с бельём носили на плече, а зимой на санях до горы, а дальше начиналось веселье спуска, на чём хочешь.

Нина была вегетарианка и проповедовала Коле то сыроедение, то рисоение и уж, конечно, без мяса. В то время он любил испытывать на себе всякие новшества и легко

Когда-то я читала у писателя Анри Барбюса рассказ, в котором двое возлюбленных, оказавшись в тюремной камере вдвоём, были прикованы друг к другу цепями так, что все отправления совершались на глазах друг у друга, и эти подробности охладили их пылкие чувства. Вот этого я и боялась, оставшись наедине с Николаем.

поддавался на разные меню. Кушали много и радостно. Помню тазик, который они с Ниной загружали капустным салатом, а я удивлялась: неужели съедят? Съедали. В те годы провинция была не избалована колбасами и прочими мясными продуктами, и восточная диета была очень кстати. А за колбасой приходилось ездить в Москву, стоять по два-три часа в очереди, но зато можно было поесть настоящей колбасы, без «химикатов». «Колбасницей» была я, хотя моё питание тоже ограничилось строгой диетой: после лечения в больнице у меня навсегда остались последствия в виде колита, и долгие годы спустя я мучилась приступами боли, которые заставляли врасплох.

По вечерам в часы затишья от домашней работы Нина пыталась знакомить нас с произведениями Ауробиндо, Вивекананды и других восточных учителей. Коля совмещал это с рисованием, я пыталась вникнуть в премудрости восточных учений из уважения к Ниночке. Но мы с Колей в этот послесвадебный период так были заняты собой и друг другом, что никакие учения не шли в наши головы. Мы хотели сочинять своё, говорить о своём, показывать своё и думать о своём.

И теперь, когда Ниночки нет уже в живых, я сожалею о том, что мы принимали её помощь, как само собой разумеющееся, иногда ленись участвовать в домашних делах. Мы не разделили её философских воззрений, хотя бы из интереса к тому, что интересно ей, и по своему жестосердию так и не поняли, почему через два с половиной месяца Нина торжественно объявила, что Коля должен взять на себя ответственность за нашу семью, за наше хозяйство, за меня, а она возвращается в Якутск. Я упрекала её, что проповедуемые ею идеи не выдерживают проверки жизнью, а значит, они не жизнеспособны, пытаюсь зацепить её самолюбие. Но Ниночка просто устала, её кудри развилась и были похожи на лохматый взъерошенный парик, который изменил её облик, превратив милое интеллигентное лицо в театрально-сказочный образ постаревшей Золушки.

Коля довольно легко воспринял сообщение Нины и проявил полную готовность, не смущаясь предстоящими интимными подробностями, связанными с личной гигиеной. А я не могла даже представить себе в страшном сне, чтобы молодой мужчина увидел все подробности моей изуродованности и беспомощности. Припав к Колиному плечу, я рыдала вслух, чего не было со мной даже в пору смерти моих родителей. И только благодаря

такту Николая, его деликатности, его умелым рукам, отсутствию брезгливости, благодаря его шутливости, нежности, я довольно быстро преодолела своё стеснение, свой ужас обнажённости наших взаимодействий.

Когда-то я читала у писателя Анри Барбюса рассказ, в котором двое возлюбленных, оказавшись в тюремной камере вдвоём, были прикованы друг к другу цепями так, что все отправления совершались на глазах друг у друга, и эти подробности охладили их пылкие чувства. Вот этого я и боялась, оставшись наедине с Николаем.

Ещё в пору нашей совместной жизни с Женей Николай пытался в прямом и переносном смысле приручить меня с помощью детской игры. Когда однажды Женя вышла из дома, он предложил взять меня на руки и спрятаться в другой комнате от мам-Жени — вот придёт она, увидит пустое место, где я всегда сижу, и испугается — куда же я подевалась. Мам-Женя задержалась, и мы долго сидели в спальне на кровати и миловались, ожидая её. Все случилось, как мы и предполагали, только мам-Женя вдруг расплакалась, вероятно, почувствовав, что не одна она властна надомной, поняв, что ей пришла смена.

Когда Женя ушла на операцию, я стала думать, почему именно женская болезнь пришла к ней. И мне вспомнился её сон, от которого она долго плакала: словно она идёт по глубокому оврагу, а из разных кустов раздаётся плач младенцев, она пытается их найти, но нигде их нет, и сердце её сжимается от мысли, что это плачут её абортированные дети. Потом этот сон повторялся не один раз, и где-то глубоко в душе она понимала, что ей предстоит встреча со своими нерождёнными младенцами, и как ей будет тогда тяжело. Может быть, ко мне она была приставлена во спасение своё — так, может быть, можно надеять-

ся на Божье прощение, когда на свои руки берешь чужие муки. А через годы она просила прощения у меня, и мы обе понимали — за что, но не хотели об этом говорить вслух.

Коля делал попытку укрепить мою уверенность в своих и моих физических возможностях, расширяя моё домашнее пространство, ограниченное диваном в зале, кроватью в спальне. Сразу после отъезда Нины, он устроил мне вечер при свечах на кухне, где я никогда не бывала, поставив посреди низкий маленький столик, посадив меня на стул, на котором я не сидела с детства, и всё это сопровождалось винопитием и музыкой. Мы чувствовали себя, как дети, когда все взрослые удаляются из дома и никто за ними не при-

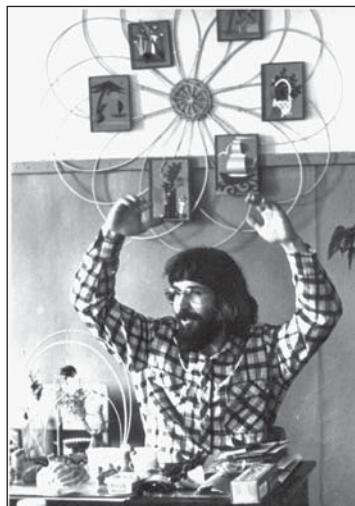
Николай ведет занятие в лицее.

глядывает, и спать не укладывает, и всё можно. Только одного было нельзя, о чём я сразу предупредила Николая до женитьбы: у нас не может быть физической близости. А он и не возражал. Как хороший психолог, он растил во мне веру в свои физические возможности и делал это терпеливо, не спеша, не форсируя время и моё привыкание к его рукам. И я привыкла. И тогда случилось то, что должно случаться между мужем и женой.

Однажды он предложил мне выйти на дворовую лавочку соседнего дома. Я засомневалась, что у него хватит сил донести меня на руках туда, а потом обратно на второй этаж. Но я опять доверилась ему. Он легко донёс меня до лавочки, посадил к себе на колени, и мы долго вслушивались в самые разнообразные звуки, доносившиеся из дальних кустов от реки, разглядывая звёздное ночное небо, ведь на это дальнейшее путешествие я согласилась только в полночь, избегая любопытных взглядов соседей.

Николай удивлял меня своим спокойным бесстрастным отношением к насмешкам и вопросам товарищей по работе в первые дни после свадьбы, когда он появился на своём рабочем месте. Но с отъездом Нины работу ему пришлось оставить, и долгие годы нашим финансовым доходом была лишь моя пенсия. Он пытался подработать в нашу семейную казну лепкой из глины, чему его научила Вера Бойко, супруга Саши, но спрос на фигурки-свистульки был невелик. Однажды его пригласили работать в лицей с детьми — проводить уроки труда, и тут фантазии Николая не было границ: кора, береста, листья, рогоз, лоза, сосновые шишки, корни, стволы сухих деревьев — всё превращалось в его руках в уникальные творения, каждый раз удивляя изобретательностью и мастерством. Он придумывал праздничные детские игры, которые

Николая пригласили работать в лицей с детьми — проводить уроки труда, и тут фантазии Николая не было границ: кора, береста, листья, рогоз, лоза, сосновые шишки, корни, стволы сухих деревьев — всё превращалось в его руках в уникальные творения, каждый раз удивляя изобретательностью и мастерством.

не входили в учебную программу, и другие педагоги искоса посматривали на него с неммым вопросом: ему больше всех надо, что ли?! Но ему было важно, что радовались дети, и это душевно роднило его с ТиВишей.

К сожалению, работу в лицее пришлось оставить — у Николая началась жестокая аллергия на природный, особенно болотный, материал.

Однажды рано утром, идя на работу, люди увидели во дворе лицея сказочный замок из снега, а в его окошках горящие свечи, и дивились, когда он успел появиться. А это Николай глубокой ночью, при свете уличного фонаря, лепил, воплощая свою очередную фантазию всем на удивление — не за деньги, просто так. Так было часто в его отношениях с людьми: он не искал в них выгоду в виде какой-либо оплаты. И свои игрушки, свои корзинки он чаще раздаривал, чем продавал.

И нам тоже посылались люди, иногда незнакомые, которые вдруг приезжали и привозили продукты, которых у нас не было. Особенно запомнился один случай. Накануне я вслух пожелала: хоть бы кто-нибудь масла сливочного привёз — в Боровске-то нету! На другой день в нашем доме появилась женщина и представилась певицей из хора им. Пятницкого, который в то время распался, и она была не у дел. Она привезла гостинец — 2 кг сливочного масла. Конечно, такие подарки мы не каждый день получали, и Николай трудился на огороде, выращивая огурцы, картофель, помидоры и прочие овощи, иначе было не выжить.

Он умел готовить из скудной снеди такие вкусные блюда, удивлявшие моих приезжих подруг, которые успевали ещё и проконтролировать кухню, восхищаясь, как у него всё блестит чистотой. На его блюдах иногда были какие-то сюжеты, как например, солнце и пальмы — а всего-то глазунья из яиц и верти-

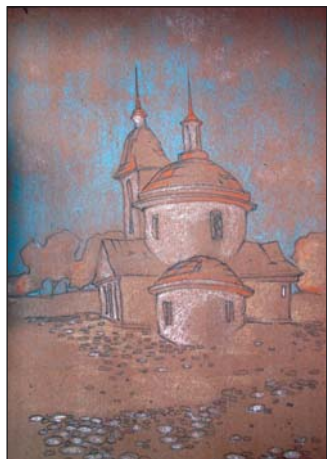
кально уложенная зелень петрушки — и всякое другое.

Как всегда, в супружеской жизни проблемы начинаются с пустяков. Я привыкла, что, проснувшись, мама шла на кухню, а отец вытирал пыль и мыл полы. И у нас с Колей встал вопрос: мыть полы сегодня или подождать до завтра. Будучи аккуратисткой, я пыталась настаивать на своём, а Коля в это время хотел делать что-то другое, и так как я в семье всегда была права, нарвавшись на его сопротивление, я удивилась и пыталась настоять на своём, но чем больше я настаивала, тем сильнее муж упирался. Так повторялось несколько раз до ссор по разным поводам, пока я, дура, не поняла детскую психологию мужчин: никогда не надо прямо приказывать «поди туда», «сделай это», «вынеси мусорное ведро» и так далее, с мужчиной надо разговаривать о чём-то другом, а про мусор так, между делом. А приказ должен быть изнутри его самого, чтобы желание выполнить родилось в самом себе, а не под женским напором. И когда я поняла, что семья разрушится, если я буду настаивать только на своём, я постаралась изменить не его, а себя — так, может быть, начиналось наше христианское сознание, хотя мы о нём ещё ничего не знали.

Ниночка из Якутска продолжала терпеливо переписывать нам многостраничные труды восточных мудрецов. Коля достал запылившиеся перепечатки «Агни-Йоги» и по вечерам пытался вслух меня просвещать. Лёжа в кровати, я слушала и так засыпала, а Коля всё более погружался в восточные учения. Мы совместно читали поэта Валентина Сидорова, его книгу стихов-медитаций «На вершинах» и прочую литературу в попытке приблизиться к вершинам понимания духовного мира. Это чтение постепенно формировало сознание, которое укрепляло нас в собственной значи-

Коля достал запылившиеся перепечатки «Агни-Йоги» и по вечерам пытался вслух меня просвещать. Я слушала и так засыпала, а Коля всё более погружался в восточные учения.

Графика и пастель
Николая Милова.

мости, в своих достоинствах, в своих талантах, в возможностях самосовершенствоваться бесконечно, возрастая к неведомому абсолюту. В этой программе нам было всё ясно и понятно, примером своей жизни мы легко встраивались в эту систему, обретая уверенность в своих силах. Нам рассказывали приезжие люди о Шамбале, куда путешествовал в своё время Николай Рерих с женой Еленой, и это был недостижимый мир, в который не допускались непродвинутые, нечистые личности.

Однажды во время очередного застолья с гостями в дверь постучали, и Коля ввёл в комнату девушку невысокого роста, которая, смущаясь, сообщила: «Я на минуточку, я только посмотрю на художницу, чьи картины я сегодня видела...» Света Никитина приехала в Боровск работать по распределению, и в выходной день судьба завела её в Малоярославец, в выставочный зал музея, где экспонировалась выставка моих работ. Её «минуточка» превратилась в общение на долгие годы. С приходом Светы нам открылись иные пути духовного движения.

Так видно, и случается — просто и незаметно: приходит посланец и говорит, что мы не так живём, не то читаем, не тому молимся. Светлана увидела в нашем книжном шкафу Библию и спросила, читаем ли мы её. Это было время, когда Библию приобрести было непросто, она поступала в очень маленьком количестве в храм, и свободно купить её было невозможно. Библию нам принесла тётя Маша, живущая через дорогу, которая говорила, что меня Бог любит. И стояла эта Библия много лет на полке нечитаная, «для красоты».

Не так просто было выходить из той философии, в которую мы уже успели погрузиться. Трудно было сразу увидеть разницу между восточными учениями и тем духовным со-

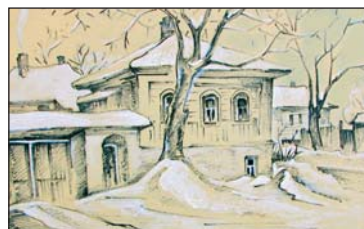
держанием, которое несла в себе Библия. Николай очень тяжело проникался новым пониманием, которое приходило к нам, и даже на какое-то время впал в депрессию на изломе прежних своих взглядов и ещё не устоявших новых.

Колины космические картины Светлана «деликатно» раскритиковала, сказав всего одну фразу: «Ты так больше не рисуй, в них дух нехороший...» Это ударило нас обо-

Николай на своей персональной выставке в Боровске.

Его графические работы посветлели радостью рождественского настроения.

Мы живём, не зная,
 что с нами происходит,
 мы верим в свой успех,
 в свою любовь, в свои
 победы, думая, что мы
 движемся на вершины,
 поднимаясь по ступеням
 самолюбия, сомнения,
 самолюбования,
 самоутверждения
 и прочих само-,
 которые суть гордыня.
 И так трудно понять,
 что значит «умалиться»,
 следуя христианскому
 вероучению, и ещё менее
 понятно, что значит
 «Царствие Небесное
 внутри вас».

их по самолюбию, хотя только Коля был автором. Но я разделяла все его творческие постижения, вдохновляя на следующие ступени восхождения. Его графические работы посветлили радостью рождественского настроения. Сама я забыла, что значит рисовать. Последняя моя работа «Попытка» сделана в 1981 году. В то время я прочитала книгу Ричарда Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон», которая в очередной раз захватила меня своим философским содержанием, связанным с восточным учением. Моя графическая ра-

бота не была иллюстрацией к этой книге, но она несла внутри себя программу напряжения в попытке достичь своего преображения. И в этом устремлении было моё «Я», мой характер, вера, что крылья обретаются в полёте. На моём рисунке — балерина, готовая к воспарению в прыжке, с изломанной линией напряжённых рук, с упрямым наклоном головы. Вся её фигура изготовилась взлететь, но притяжение земли так велико, что, кажется, ей никогда не подняться, и тем трагичнее эти усилия, эта попытка.

В одном фильме есть такой диалог:

— Как ты думаешь, с чего птица начинает свой полёт?

— Наверное, крылья расправляет...

— Нет, сначала она набирает в грудь воздуха...

Я жила в надежде на свои крылья, не набрав воздуха. Во мне не было энергии, которая отрывает от земли хоть на мгновение тяжёлое тело, чтобы вознести душу — во мне ещё не было того духа, который поднимает душу в небеса. Моему прежнему мировоззрению с верою в саму себя было больно преобразаться, и это затянулось на долгие годы. Мы живём, не зная, что с нами происходит, мы верим в свой успех, в свою любовь, в свои победы, думая, что мы движемся на вершины, поднимаясь по ступеням самолюбия, самомнения, самолюбования, самоутверждения и прочих само-, которые суть гордыня. И так трудно понять, что значит «умаляться», следуя христианскому вероучению, и ещё менее понятно, что значит «Царствие Небесное внутри вас».

лестница, ведущая вверх

*Родившись
от небесного огня,
Душа
небесный смысл
повсюду ищет.
И с каждым днем
становится
всё чище.
Марина
Улыбышева*

днажды Света предложила привести ко мне священника Благговещенского собора отца Власия, чтобы я могла причаститься. Света просветила нас, что значит причастие и почему оно необходимо каждому христианину в течение всей его жизни на Земле. Я должна была исповедать свои грехи и недоумевала: да какие у меня грехи-то? Я никого не убивала, не воровала, не упивалась, не объедалась... И только одна мука меня мучила, о которой я очень хотела восплакать и покаяться: о моей вине перед родителями.

Я еще не знала о том многолетнем, длинной в целую жизнь, пути погружения в себя, в свою преисподнюю, где откроются мои грехи, эти адовы принадлежности. Мне предстояло сокрушаться не о физическом своём уродстве, а об уродстве своего невидимого внутреннего тела души, которая плакала от язв.

Батюшка Власий, добрый, весёлый, пожалел меня, причастил и поспешил на службу, кинув Коле два слова: «А у тебя ноги есть, сам в

церковь придешь». «Сам» Коля собирался му-
чительно трудно, то желая, то не желая идти.
Одевшись, метался то к двери, то обратно,
пока я не сказала: «Ну, иди уже...» И только
переступив порог храма, он почувствовал об-
легчение, как человек, нашедший своё место.

Для нас было удивительно, что поженив-
шись, мы оба пришли в православную цер-
ковь, чему не предшествовала ни моя, ни Ко-
лина жизнь доныне, полная мирских интере-
сов и поиска чего-то необычного, запредель-
ного, что объяснимо и достижимо через лич-
ные старания. И когда мы стали погружать-
ся в ежедневное чтение Евангелия, постигая
его глубины, мы заметили, как от нас поч-
ти сразу отошли все люди, бывшие последо-
вателями восточных учений. А когда наш свя-
щенник освятил нашу новую квартиру и ска-
зал: «Вот теперь ваша Ниночка пулей вылетит
отсюда», — у нас защемило сердце. Мы лю-
били нашу Ниночку, которая, уехав от меня,
взяла на себя следующую ношу — беспомощ-
ную женщину, умиравшую от рака, а потом
ещё одну, ещё... Она до самого конца носи-
ла чьи-то тяготы на себе в прямом и пере-
носном смысле. Она была талантливой актри-
сой, но ушла из театра, когда новые време-

Для нас было удивительно,
что поженившись,
мы оба пришли в православную
церковь, чему не предшествовала
ни моя, ни Колина жизнь доныне,
полная мирских интересов и поиска
чего-то необычного, запредельного,
что объяснимо и достижимо
через личные старания.

на так называемой свободы развязанных рук, ног и мозгов притащили на театральные подмостки похабщину, развязность, изуродованность классических произведений вольным, вульгарным прочтением, не захотев мириться с таким преобразованием и участвовать в нём. Её жертвенная жизнь была, по сути, христианской, но она следовала идее экуменизма и утверждала единого Бога, к которому ведут все религии, и вера её была горяча. С тем она и ушла из жизни.

С отцом Олегом нас тоже познакомила Света, сначала рассказав нам о молодом батюшке, который появился в Боровском храме, а ему рассказала о нас с Колей. Его семья жила в Москве, и он часто заходил к нам после службы. Наша встреча продлилась на 20 лет, в которые он был для нас с Колей духовным наставником, другом, помощником, советчиком, разделяющим все наши проблемы. Впервые просматривая альбом моих рисунков, со свойственной ему сдержанностью, он только и сказал: «В них есть любовь». Мы знали с Колей истину, что «Бог есть любовь», но нам ещё далеко было до той любви, про которую сказано: «Полюби — и делай что хочешь». С любовью ничего плохого не натворишь, вреда не принесёшь, потому что нет в истинной любви ни зависти, ни мести, ни выгоды, ни насилия, ни злобы, ни высокомерия... И всё она терпит, и всё она может.

Мера нашей любви была ещё мала, но она помогала выдерживать все те нагрузки, которые пришлось на спину Николая. Он открыл мне мир, который всегда был за моим домашним окном или за окном автомобиля. Я спустилась с верхнего этажа на землю, когда у нас появилась инвалидная коляска. А появилась она странным образом.

Мои рисунки увидели где-то в Сочи, и оттуда пришла телеграмма, приглашавшая нас на

лето в гости к Чёрному морю на любое время. Мы с Колей были в состоянии такой уверенности в себе, что подумывали и поехать — ведь у меня были его руки и его ноги. Но на чём-то надо было добраться до поезда, и, обратившись в райсобес с просьбой о выделении инвалидной коляски, мы неожиданно быстро её получили. В Сочи мы не попали. Но, спуская по лестнице с третьего этажа сначала коляску, а потом меня на руках, мы отправились путешествовать по земле Боровска на долгие годы. В первый раз решились мы на это только затемно, чтобы не встречать прохожих и не смущаться их взглядов. Я быстро «приросла» к коляске, благодаря Колиной свободе в обращении с нею.

И тогда я узнала все уголки нашего города, в какие невозможно проехать на автомобиле, все самые красивые виды с холмов, все поляны, залитые солнечным цветом-светом одуванчиков, все луга по обочинам просёлочных дорог, пахнувшие душистыми травами, и неповторимые наши овраги с узенькими тропинками, и нашу речку, покрытую водорослями, похожими на волосы русалки, распущенные под водой.

Я впервые увидела рассвет, когда Коля позвал меня на рыбалку. Чуть-чуть засветилось,

Благодаря Колиной свободе
в обращении с коляской я узнала
все уголки нашего чудесного городка.

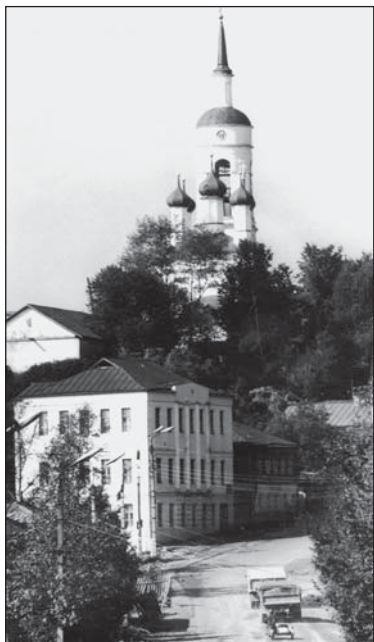

а я уже в коляске, и мы несёмся по сонным пустынным улицам, по просёлочным колдобинам к пруду, который мой муж высмотрел заранее. И, наконец, мы на месте. Коля заядлый рыбак с детства, его руки дрожат, предвкушая эту охоту. Вокруг деревья и кусты, но в них тишина — не поёт ещё ни одна птичка. Зато на нас набрасывается туча комаров, которые давно жаждали крови. Но всё это можно стерпеть ради такого мгновения — величия восходящего солнца.

А вот и первая птичка присвистнула в кустах, и вторая чирикнула в ответ, и вот уже хор птичьих голосов окружает со всех сторон,

Мы впервые отправились
в собор Благовещения.

и эта симфония звуков, как гимн Радости, подаренной нам Богом. А посреди всей этой красоты, этого звона на другом берегу пруда своя переключка: «Федь, ну что там у тебя, клюет?» — и в ответ: «Да ни х..., п..., б...» И так невыносимо это сочетание земной красоты и людской речи. Коля радуется, поймав ротанчика, а я не могу видеть, как он снимает его с крючка, порвав губу, и для меня радость рыбалки закрылась навсегда.

Какое это счастье — перемещаться в пространстве, даже если под тобой крутятся колёса!

Мы впервые отправились в собор Благовещения, где служил отец Власий. По высоким ступенькам нам помогали взбираться незнакомые люди, а на входе нас встретил отец Власий, обняв, как родных, словно давно ждал. Служба ещё не началась, и отец Власий повел нас от входа ближе к алтарю. Это вхождение в церковь незабываемо на всю оставшуюся жизнь, и неопишимо то самочувствие, с каким вступаешь в преддверие нового мира. Во время службы слёзы неудержимо лились по моему лицу, будто до этого мгновения я не плакала всю жизнь и вот накопилось и вылилось потоком что-то изнутри, чему я не знала названия, а только чувствовала омовение, забыв про косметику на ресницах, про то, как я выгляжу, про всё на свете. А когда во время службы отец Власий воззвал: «Господу помолимся!», — и голос его вознесся до самого купола с такой духовной силой, что сердце захлебнулось. Все прихожане попадали на колени, и только я одна «стоя» молилась Богу.

9 мая 1986 года мы с Колей справляли свадьбу, ещё и не помышляя о церкви, а в мае следующего года, в праздник Жён-Мироносиц, мы пришли в неё венчаться. На улице было не по-майски прохладно, и мне пришлось надеть шубку и шапку.

Вхождение в церковь
незабываемо на всю
оставшуюся жизнь,
и неопишимо то самочувствие,
с каким вступаешь
в преддверие нового мира.

Когда впервые шла в церковь, я была в смущении, опасаясь, что меня увидят знакомые люди, ведь это было время, когда посещение церкви осуждалось общественным мнением и коммунистической идеологией. А я-то уже была на виду, и отношение официальных органов ко мне могло измениться. С удивлением я потом вспоминала, что моё продвижение в сторону храма, как бы никто и не видел — на меня не смотрел ни один человек, встретившийся на пути, словно я была в шапке-невидимке. И в этот раз повторилась та же ситуация — меня никто не видел. Подойдя к стенам храма, мы услышали доносившееся изнутри пение церковного хора — венчалась какая-то пара. Я подумала: «Как красиво поют, как торжественно, вот и у нас так сейчас будет...»

Над нами обряд венчания совершал отец Олег. Нас сопровождали Валерий Прокошин и Светлана Никитина, которые были нашими шаферами. Мы вошли в опустевший храм, где только за «ящиком» женщины, прислуживающие в церкви, гремели какой-то посудой. Под этот звон тарелок и женские переключ-

Приехали «киношники»
с Ростовской студии
документальных фильмов —
режиссёр Юрий Щербаков
и оператор Семён Эпштейн.

ки отец Олег и начал нас венчать. И никаких песнопений. Я была удивлена столь скромным «оформлением», но потом утешилась: вот так и в жизни — рядом великое событие и дребезг земного быта.

Наши возможности всё более расширялись в пространстве. Мы могли ходить, куда хотели, могли посещать кинотеатр, хотя дома был телевизор, но так радостно быть вместе вне дома. Могли пойти на концерт в Центр искусств или на очередную выставку в галерею. И прийти на премьеру постановки Литературного театра из Калуги, когда режиссер Людмила Кудрявская по моему эссе «Путь за пределы самой себя» и Колиным песням создала спектакль «Дай сердца твоего коснуться сердцем», оформленный очень талантливо декорациями по моим рисункам. Всё это производило сильное впечатление, и мы нравились сами себе и другим.

А вскоре приехали и «киношники» с Ростовской студии документальных фильмов — режиссёр Юрий Щербаков и оператор Семён Эпштейн, которые раньше пытались уже снимать нас. В те годы без разрешения вышестоящего партийного органа никто не смел

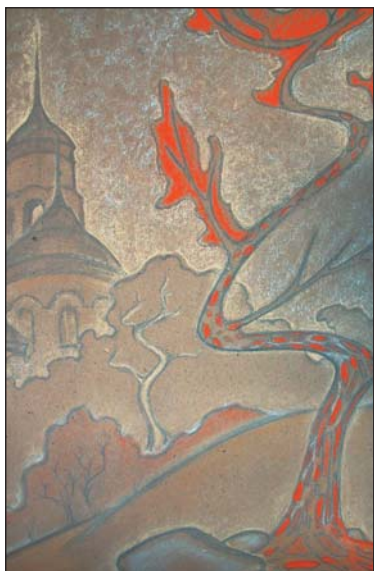
снимать кино, тем более документальное. Обратившись в Калужский обком партии, они услышали ответ: «Не рекомендуем». А причина была такова. Жигарёв, Милов, Прокошин и другие ермолинские поэты создали журнал «Основа». Это был «самиздат», а всякое свободомыслие, не прошедшее цензуру, напечатанное вне официальных издательств, находилось под подозрением в определенной организации. Под подозрение попадали все, кто так или иначе в поэтической или в какой-либо другой форме выражали критические мнения по поводу государственного строя и линии партии. Стихи этих ребят не носили никаких диссидентских настроений, и наши беседы с КГБ тем и закончились. Но след в «чёрных списках», видимо, остался и проявился в запрете на съёмку фильма.

Прошло года два, прежде чем опять возник вопрос о фильме, и время было уже другое. Задуманный сюжет носил название, о котором мы узнали, когда фильм уже монтировали, — «Исповедь дьявола». В фильме предполагалось несколько сюжетов, один из которых рассказывал о жизни, мировоззрении модного тогда движения хиппи как представителей отрицательного явления нашего общества, а в качестве противоположного явления — сюжет о нас с Колей. Только когда работа над фильмом была завершена, мы узнали странную историю о том, что наш фрагмент по сюжету никак не увязывался со съёмкой «хипарей», и отрывок о нас выпал из фильма, превратившись в самостоятельный, со своим названием: «Я выбираю любовь». Мой текст «Путь за пределы самой себя» ещё раз был озвучен этим фильмом, из него же и вышло название. В галерее состоялась презентация нашего фильма, встреча авторов и героев со зрителями.

И ещё не раз в Центре искусств, который в народе называют галереей, проходили пре-

зентации то Колиной выставки, то моей экспозиции, то поэтического вечера Валерия Прокошина в сопровождении приглашённых нами московских друзей, чьё творчество нами любимо и теперь, — известных поэтов и музыкантов.

Мы давно знакомы с Еленой Камбуровой, которую я полюбила в молодости и люблю доныне, уважая за то, что никакие современные веяния не повлияли на её творчество, что она осталась верна принципам высокого искусства — неординарного по своей выразительности, эмоциональности театрализованных решений, всегда с глубоким смыслом каждой песни. Сначала я её слушала по телевизору, а потом нас познакомила Оля Самолевская, талантливый режиссёр документального кино. Елена Камбуrowa обещала приехать в Боровск с концертом специально для меня, выступив в нашей маленькой галерее, но занятость её на многие годы отодвинула этот план. А когда Лена, наконец, собралась в Боровск, я уже слегла и не могла передвигаться на коляске. Наверное, она сожалеет о несбывшемся, как и я часто сожалею, не успев к кому-то со своим вниманием.

Не раз в Центре искусств, который в народе называют галереей, проходили презентации то Колиной выставки, то моей экспозиции, то поэтического вечера Валерия Прокошина в сопровождении приглашённых нами московских друзей.

Из театра Камбуровой вышел великолепный дуэт «Верлен» — Вера Евушкина и Лена Фролова, с которыми мы встречались не раз за нашим столом в дни разных праздников, слушая их великолепное пение, трогательное до слёз. В доме не раз звучали гусли — редкий инструмент в наше время, струны которого перебирали руки Любы Басурмановой. Внешний облик этой девушки удивительно соответствует инструменту — русский образ, несущий в лице нежность и кротость, и песни в сопровождении гуслей звучат эпически, величественно и вместе с тем по-русски ласково, мягко, без крика и ора, который часто слышен с эстрады в песнях псевдорусских исполнителей.

Моя душа болезненно переносит всё фальшивое и неискреннее и в искусстве, и в отношениях с людьми, и в жизни вообще. Но настоящее познаётся не сразу. Валю Невинную впервые много лет назад привезла ко мне в гости Нина Добрикова, с которой они вместе побывали на моей выставке в Подольске. Обе они были из какого-то иного культурного круга. И первое время нашего знакомства я чувствовала себя смущённо рядом с Валей — с её красноречием, блестящим умом и острым юмором, глубоким знанием литературы, независимостью, раскованностью в общении. С каждой новой встречей я привыкала к ней, каждый раз думая: а чем я-то ей интересна? А Валя позже рассказывала, что, увидев мои картины, испытала чувство, близкое к обмороку. Наверное, она первой почувствовала родство наших душ: моих рисунков и её стихов, наших взглядов на мир и людей. Через мой дом проходили многие — прошли и ушли. А Валя из тех, кто остался со мной навсегда и участвует в моей жизни.

Среди моих работ есть рисунок под названием «Поэт». Меня часто спрашивают: это мужчина или женщина. А я отвечаю: поэт —

Мы давно знакомы с Еленой Камбуровой, которую я полюбила в молодости и люблю доныне, уважая за то, что никакие современные веяния не повлияли на её творчество, что она осталась верна принципам высокого искусства — неординарного по своей выразительности, эмоциональности театрализованных решений, всегда с глубоким смыслом каждой песни.

Елена Камбурова
с Валерой Прокошиным
у меня в гостях.

это как Ангел, у ангелов пола не бывает. Ангел всевидящ и всеобъемлющ, видя мир небесным оком. Поэтому про Валентину Невинную я не могу сказать: поэтесса, она — Поэт. Мне казалось непостижимым, что она со страстью может писать не только о глубоко личных переживаниях, но и откликаться болью сердца на беду, отстоящую далеко от неё самой и её дома.

*Если снова неравным окажется бой,
Вырвут жизнь из груди моей
вместе с тобой,
Но два образа — Саввы и Сергия
Я увижу на облаке сквозь забытьё,
Повторяя: „Россия! Ты — сердце моё.
Сербия! Ты — предсердие“.*

Но на полках магазинов невозможно было увидеть книг Валентины Невинной, лишь иногда её стихи и статьи публиковались в газетах. Все издательства тех лет работали под контролем партийных органов, которые Невинную «не рекомендовали». Её гражданская позиция не совпадала с линией партии. Зато её стихи переписывались и передавались из рук в руки, на них писали музыку, и стихи становились песнями. Неутомимый борец по своей натуре, она неизменно выступает в своих публикациях за чистоту русской речи, культуры, христианской жизни, восставая против внедрения в эту жизнь чуждых доктрин, незаметно вползающих в различные наши сферы, будь то школа, церковь, семья.

Валя была непременно участником всех наших застолий, которые всегда сопровождались чтением её стихов. Сочиняла она их на ходу по любому поводу, и всегда это было остроумно, неожиданно, и всех нас удивляла её способность мыслить рифмами.

Особенно мы любили, когда Валушка отправлялась на кухню и сочиняла борщ, кото-

Гусляр

Люба Басурманова.

Два поэта —
Валентина Невинная
и Николай Милов.

рый никто не умеет так варить. И никто больше не мог так петь «Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить».

В те годы у нас появилось много московских друзей, для которых наш дом стал судьбоносным. Лида Безрукова приехала к нам с 12-летним сыном, который удивлял меня своим поведением: он не мог сидеть спокойно рядом с мамой, а всё время пинал и толкал её в бока своими кулаками или задираал свою ногу к её лицу со словами «На, понюхай!» Я возмущалась, а Лида разговаривала с ним тихим спокойным голосом, что меня раздражало ещё больше. Я думала: вот бы врезать ему!..

Лида работала преподавателем в институте марксизма-ленинизма, махровая материалистка, и слово «Бог» услышала здесь впервые и восприняла с улыбкой неверия. Коля, будучи неопитом, горячо любил проповедовать, повторяя все поучения отца Олега, но ему не всегда удавалось быть убедительным — не хватало духовного опыта. Однако, вернувшись в Москву, Лида резко изменила свою

Я чувствовала себя смущённо рядом с Вале́й — с её красноречием, блестящим умом и острым юмором, глубоким знанием литературы, независимостью, раскованностью в общении. С каждой новой встречей я привыкала к ней, каждый раз думая: а чем я-то ей интересна? А Валя позже рассказывала, что, увидев мои картины, испытала чувство, близкое к обмороку. Наверное, она первой почувствовала родство наших душ: моих рисунков и её стихов, наших взглядов на мир и людей.

Через мой дом проходили многие — прошли и ушли. А Валя из тех, кто остался со мной навсегда и участвует в моей жизни.